

Министерство образования и науки
Российской Федерации

Волгоградский государственный
архитектурно-строительный
университет

СОЦИОЛОГИЯ ГОРОДА

2013 № 1

Научно-теоретический журнал

Выходит 4 раза в год

Учрежден в 2007 г.

1-й номер вышел в 2008 г.

г. Волгоград

Учредитель:
Федеральное государственное
бюджетное образовательное
учреждение высшего
профессионального образования
«Волгоградский государственный
архитектурно-строительный
университет»

Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ № ФС77-27329 от 28 февраля 2007 г.
выдано Федеральной службой
по надзору за соблюдением
законодательства в сфере массовых
коммуникаций и охране
культурного наследия

Журнал входит в утвержденный ВАК
Минобрнауки России Перечень ведущих
рецензируемых научных журналов
и изданий, в которых должны быть
опубликованы основные научные
результаты диссертаций на соискание
ученой степени доктора
и кандидата наук (ред. 2011 г.)

Журнал включен в базы данных:
Российского индекса научного
цитирования (РИНЦ), www.elibrary.ru,
Ulrich's Periodicals Directory
издательства Bowker,
Directory of Open Access Journals (DOAJ),
Университет г. Лунд (Швеция), www.doaj.org,
EBSCO Publishing: www.ebsco.com
(США)

СОДЕРЖАНИЕ

ЧЕЛОВЕК В СОВРЕМЕННОМ ГОРОДЕ

Барковская А. Ю., Хуако Г. А., Камкин Е. Г. Медицинская помощь
женщинам в малых городах России ... 3

Доника А. Д., Бударин Г. Ю., Леонова В. А. Профессиональный контекст
стратегии выживания в крупном промышленном городе
(на модели профессиональной группы врачей) ... 11

Дятчина Н. С. Феномен музыки
в пространстве городской культуры ... 16

АРХИТЕКТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО СОВРЕМЕННОГО ГОРОДА

Назарова М. П., Олейников П. П. Исчезнувший и возрожденный:
архитектура Сталинграда до и после Сталинградской битвы ... 20

Сивков Д. Ю. Иммунологическая концепция архитектуры
и ее влияние на формирование городского пространства ... 27

ТЕХНОСФЕРА СОВРЕМЕННОГО ГОРОДА: ГОРОД И ЭКОЛОГИЯ

Азаров В. Н., Донцова Т. В. Концепции биосферной совместимости
и экологического следа и их роль в достижении экологически
устойчивого развития урбанизированных территорий ... 39

УПРАВЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНЫМИ И ЭКОНОМИЧЕСКИМИ СИСТЕМАМИ

Смирнов К. С. Городское пространство как воплощение
управленческой матрицы современной культуры ... 46

Тимченко Т. А. Кадровый состав
современной российской науки ... 50

Седова Н. Н. Социология города: достижения и потери
(впечатления о IV Очередном Всероссийском
социологическом конгрессе) ... 56

АВТОРАМ

*Условия приема статей в редакцию и требования к авторским
оригиналам ... 64*

Редакционный совет:

председатель — д-р техн. наук, проф.
С.Ю. Калашников,
зам. председателя —
д-р экон. наук, проф. **М.К. Беляев**

Члены редсовета:

д-р техн. наук, проф. **В.Н. Азаров**,
канд. архит., проф. **А.В. Антюфеев**,
д-р экон. наук, проф. **С.Н. Соколов**,
д-р техн. наук, проф. **В.М. Шумячер**

Главный редактор журнала:

д-р филос. наук, проф.
Б.А. Навроцкий

Редакционная коллегия:

д-р филос. наук, проф.
В.И. Добренков,
д-р соц. наук, проф. **В.В. Деларю**,
д-р соц. наук **Г.Н. Ильина**,
д-р экон. наук, проф.
О.В. Максимчук,
д-р ист. наук, проф. **А.Н. Буров**,
д-р архит., проф. **Г.А. Птичникова**,
д-р экон. наук, проф. **В.Н. Казаков**,
д-р филос. наук, д-р юрид. наук,
проф. **Н.Н. Седова**,
д-р ист. наук, проф.
Н.А. Болотов,
нач. РИО **М.Л. Песчаная**

Адрес редакции:

400074, Волгоград,
ул. Академическая, 1
Тел. (8442)96-99-25, (8442)96-98-28

© Федеральное государственное
бюджетное образовательное
учреждение высшего профессионального
образования «Волгоградский
государственный архитектурно-
строительный университет», 2013

© Потокина-Курилкина Т.М.,
дизайн обложки, 2008

Ссылка на журнал при цитировании
опубликованных в нем материалов
обязательна

CONTENTS

HUMAN IN CONTEMPORARY CITY

*Barkovskaya A. Yu., Khuako G. A., Kamkin E. G. Medical aid to women
in small towns of Russia ... 3*

*Donika A. D., Budarin G. Yu., Leonova V. A. Professional context
of survival strategies in a big industrial city (based on the model
of professional group of doctors) ... 11*

Dyatchina N. S. Music phenomenon in urban culture space ... 16

ARCHITECTURAL SPACE OF MODERN CITY

*Nazarova M. P., Oleinikov P. P. Disappeared and renewed: the
architecture of Stalingrad before and after the battle of Stalingrad ... 20*

*Sivkov D. Yu. Immunological conception of architecture
and its influence on formation of urban space ... 27*

TECHNOSPHERE OF MODERN CITY: CITY AND ECOLOGY

*Azarov V. N., Dontsova T. V. Concept of biospheric compatibility
and ecological footprint and their role in sustainable development
of urban territories ... 39*

MANAGEMENT OF SOCIAL AND ECONOMIC SYSTEMS

*Smirnov K. S. Urban area as realization of ruling matrix
of modern culture ... 46*

Timchenko T. A. The staff of modern Russian science ... 50

*Sedova N. N. City sociology: achievements and losses (Impressions about
IV Next All-Russia Sociological Congress) ... 56*

INFORMATION FOR AUTHORS

*Admission articles to the editors and the requirements for copyright
originals ... 64*

Внимание авторов и читателей!
Подписку на журнал можно оформить в отделениях Почты России
по каталогу «Пресса России», подписной индекс **29507**,
и электронному каталогу агентства «Книга-Сервис» (www.akc.ru),
подписной индекс **E 29507**.

По вопросам приобретения выпусков журнала 2008–2013 гг.
обращаться в редакцию по тел. (8442) 96-99-25, 96-99-96

Домашняя страничка журнала ISSN 2077-9402 (Online)
на сайте ВолгГАСУ www.vgasu.ru
(<http://www.vgasu.ru/science/journals/city-sociology/>)

УДК 616-055.2(470+571)

**А. Ю. Барковская,
Г. А. Хуако,
Е. Г. Камкин**

МЕДИЦИНСКАЯ ПОМОЩЬ ЖЕНЩИНАМ В МАЛЫХ ГОРОДАХ РОССИИ

Адаптация западноевропейской модели оказания медицинской помощи к российским условиям не учитывает специфику малых городов России, которые отличаются от малых городов Европы. Проведенное авторами социологическое исследование медицинской помощи женщинам в малых городах Краснодарского края показало, что любое мероприятие федеральной или региональной власти, затрагивающее интересы жителей малых городов, должно проходить квалифицированную социологическую и гуманитарную экспертизу, прежде чем быть реализованным.

Ключевые слова:

модернизация здравоохранения, малый город, гинекологическая помощь, репродуктивное поведение, центральная районная больница (ЦРБ), трехуровневая модель медицинской помощи.

**A. Yu. Barkovskaya,
G. A. Khuako,
E. G. Kamkin**

MEDICAL AID TO WOMEN IN SMALL TOWNS OF RUSSIA

Adaptation of West European model of rendering medical aid to Russian conditions does not consider specificity of small Russian towns which differ from small European ones. The carried out by the authors sociological research of medical aid to women in small towns in Krasnodar Krai has shown that any action of the federal or regional authorities that affect the interests of the citizens of small towns must undergo qualified sociological and humanitarian examination before being undertaken.

Проблема малых городов весьма актуальна, но мало разработана. Даже само понятие малого города однозначно не определено и в официальной статистике применяется по отношению к поселениям численностью в 50 тыс. жителей (не больше!), что является искусственным критерием. К малым городам отнесены и поселки городского типа. Такой подход — заимствование западноевропейской модели сел и малых городов Европейского совета (ЭКОВАСТ), весьма далекой от российской действительности. Тем не менее, обсуждение проблемы определения малых городов не является предметом нашей работы, поэтому в качестве исходной дефиниции мы взяли определение, предложенное известным исследователем данной темы А. Г. Назаровым: «Малый город — это районный центр областного, краевого или республиканского подчинения; в подавляющем большинстве случаев это город или (очень редко) поселок городского типа» [1].

«Википедия» дает справку о том, сколько в России таких городов [2]: по итогам переписи 2010 г. 1100 населенных пунктов имеют статус города (было 1098 по итогам переписи 2002 г.), из них 780 — малые (табл. 1).

Как видим, малые города занимают первое место по количеству и второе — по численности населения в России. Казалось бы, такая ситуация требует повышенного внимания к ним со стороны государства. Так ли это в действительности? Мы попытались рассмотреть данный вопрос на материале государственных мер по развитию человеческого потенциала малых городов, а именно — посмотреть, насколько полно удовлетворяются потребности в охране здоровья большей части их жителей — женщин. Такой выбор не был случайным. Немногим более двух лет назад в нашей стране была начата реализация программы модернизации здравоохранения. Она включает, в частности, создание трехуровневой системы оказания медицинской помощи. Трехуровневая модель распространяется на все профили оказания медицинской помощи и представляет собой следующую структуру.

Первый уровень

Представлен: первичной медико-санитарной помощью.

Key words:

public health service modernization,
small town,
gynecologic aid,
reproductive behavior,
the central regional hospital (CRH),
three-level model of medical aid.

Об авторах:

Барковская Анна Юрьевна —
кандидат философских наук,
доцент кафедры философии,
социологии и психологии,
ВолГАСУ,
anna_bark@mail.ru

Barkovskaya Anna Yurevna —
Candidate of Philosophical Science,
Docent of Philosophy, Sociology and
Psychology
Department, VSUACE

Хуако Гошмаф Аслановна —
врач акушер-гинеколог Адыгей-
ского республиканского перинатального
центра, Майкоп, goshmaf@mail.ru

Khuako Goshchmaf Aslanovna —
obstetrician-gynecologist
of Adygei Republican Perinatal Center,
Maykop

Камкин Евгений Геннадьевич —
заместитель директора Департамента
специализированной медицинской
помощи и стандартизации здравоохра-
нения Минздрава России, Москва,
kamkine@mail.ru

Kamkin Evgeniy Gennadevich —
Deputy Director
of the Department
on Specialized Medical Aid and Standardization
of Public Health Service
of the Ministry of Health
of the Russian Federation, Moscow

Реализуется: преимущественно в амбула-
торных условиях, включая дневной стационар.

Задачи: осуществление мероприятий по
профилактике, своевременной диагностике, ле-
чению заболеваний и состояний, медицинской
реабилитации, наблюдению за течением бере-
менности, формированию здорового образа жиз-
ни и санитарно-гигиеническому просвещению
населения.

Категория медицинских учреждений, оказы-
вающих помощь на первом уровне: амбулатор-
ные отделения (поликлиники) участковых боль-
ниц, ЦРБ муниципальных образований, поли-
клиники, поликлинические отделения больнич-
но-поликлинических объединений городских
округов.

Второй уровень

Представлен: специализированной меди-
цинской помощью в межрайонных центрах.

Реализуется: преимущественно в условиях
стационара, в том числе дневного (консульта-
тивно-диагностическая помощь — профильными
специалистами в амбулаторных условиях).

Задачи: осуществление мероприятий по
профилактике, диагностике, лечению заболева-
ний и состояний, в том числе в период беремен-
ности, родов и послеродовый период, осуществ-
ление медицинской реабилитации, требующей
использования специальных методов и сложных
медицинских технологий.

Категория медицинских учреждений: ста-
ционарные медицинские учреждения (отделе-
ния), утверждаемые в качестве межрайонных
центров по соответствующим направлениям в
установленном порядке.

Третий уровень

Представлен: специализированной высоко-
технологичной медицинской помощью, оказы-
ваемой в головных профильных специализиро-
ванных учреждениях.

Реализуется: преимущественно в условиях
стационара (консультативно-диагностическая
помощь возможна в амбулаторных условиях).

Задачи: оказание специализированной, в том
числе высокотехнологичной медицинской по-
мощи с применением новых, сложных и уни-
кальных, а также ресурсоемких методов лечения.

Категория (перечень) медицинских учреждений: многопрофильные или специализированные стационарные медицинские учреждения (отделения), утверждаемые в качестве головных региональных центров по соответствующим направлениям (профилям) в установленном порядке.

Таблица 1

Классификация городов России по результатам переписи 2010 г.

Федеральный округ	Города-миллионеры	Крупнейшие (500 тыс. — 1 млн)	Крупные (250 тыс. — 500 тыс.)	Большие (100 тыс. — 250 тыс.)	Средние (50 тыс. — 100 тыс.)	Малые (до 50 тыс.)	Итого
Дальневосточный	—	2	2	6	6	50	66
Приволжский	5	7	4	18	34	130	198
Северо-Западный	1	—	6	4	13	121	145
Северо-Кавказский		1	3	9	8	35	56
Сибирский	3	5	2	12	19	89	130
Уральский	2	1	5	8	17	82	115
Центральный	2	4	11	24	41	228	310
Южный	2	2	3	10	17	45	79
Итого	15	23	36	91	155	780	1099
Общее население	29 203 641	14 755 936	12 151 540	14 102 291	10 859 025	16 451 590	97 524 023

Очевидно, что во всех малых городах представлен первый уровень медицинской помощи, а в некоторых (это примерно десятая часть) есть и второй. Третий уровень — только для крупных промышленных центров и мегаполисов. По идее, туда должны доставлять проблемных больных, например женщин с патологией беременности. Вопрос в том, успеют ли доставить...

Кроме того, именно на малые города ложится двойная нагрузка в плане оказания медицинской помощи: их медицинские организации оказывают таковую как своим, городским жителям, так и жителям сельским. Зачастую сельские жительницы могут наблюдаться у врача-гинеколога только в районном центре, потому что в сельских амбулаториях и ФАПах (фельдшерско-акушерских пунктах) таких специалистов просто нет [3].

Мы провели анкетирование 1000 пациенток женских консультаций центральных районных больниц, амбулаторных приемов участковых больниц и врачебных амбулаторий Краснодарского края с целью выяснить объемы и качество оказываемой им акушерско-гинекологической помощи. В выборке были представлены разные возрасты (%):

16 (0,4)	17 (1,3)	18 (2,9)	19 (1,5)	20 (3)	21—30 (37,4)	31—40 (21,7)	41—50 (15,7)	51—60 (11,7)	Старше 60 (4,4)
-------------	-------------	-------------	-------------	-----------	-----------------	-----------------	-----------------	-----------------	--------------------

Такое распределение соответствовало распределению пациенток на приеме. Как видим, основные потребители акушерско-гинекологической помощи в малых городах — женщины фертильного возраста — 68,2 %, на втором месте — женщины климактерического и постклимактерического периода.

По роду занятий пациентки (только жительницы малых городов) представляли разные группы, %: учащиеся — 2,2, студентки — 8,4, рабочие — 16,4, служащие — 34,7, частные предприниматели — 4, домохозяйки — 21,9, пенсионерки — 8,8, другое — 3,6. Большинство имели среднее образование (64,8 %). Поскольку был выявлен большой процент домохозяек, мы спросили их о причинах, по которым они не работают. Большинство — 38,4 % — ответили, что занимаются воспитанием детей; на отсутствие работы, которая нужна, посетовали 12,4 %, еще 10,8 % назвали причиной плохое здоровье и почти столько же — 10,2 % — заявили, что у них нет необходимости работать. Большинство женщин считали свои жилищные условия хорошими (48 %) или отличными (12,8 %).

Таким образом, такие проблемы, как бедность, низкий уровень образования, безработица, не являются определяющими для женщин-пациенток в малых городах. Это подтверждается еще и тем, как материальные сложности в настоящее время оценили респондентки. Отметили, что проблем нет, живут в достатке 128 чел. (14,3 %), есть материальные проблемы, но хватает на нормальную жизнь 487 чел (54,2 %), хватает только на питание и товары первой необходимости 242 чел. (26,9 %), хватает только на питание — 21 чел. (2,3 %), не хватает даже на питание — 21 чел. (2,3 %).

Более того, их личная жизнь представляется достаточно стабильной: 83 % опрошенных состояли в зарегистрированном (66,6 %) или гражданском (16,4 %) браке, только 9,1 % женщин не имели партнера на момент опроса, а в состоянии развода находились 4,5 %¹.

Не удивительно, что большинство пациенток (92,2 %) задумывались об оптимальном количестве детей в семье в условиях современных проблем. Но большинство считает, что, несмотря ни на что, в семье лучше всего иметь двоих детей (66,7 %), а 23 % хотели бы иметь троих детей. Интересно, что их мужья выразили примерно такое же мнение: 57,6 % мужей хотели бы иметь двух детей, а 28,9 % — трех. Надо отметить, что на этот вопрос ответили около 70 % всех опрошенных.

Мы ожидали, что одним из факторов, которые в данный момент влияют на решение женщины родить ребенка, будет состояние здоровья. По крайней мере, такой фактор отмечается при опросах женщин в крупных городах. Но никто из наших респонденток его не отметил. Мнение жительниц малых городов о факторах, влияющих на решение о рождении ребенка, %:

Материнский капитал.....	35,6
Пособие на ребенка.....	28,2
Оплачиваемый отпуск по уходу за ребенком до 3-х лет.....	31,5
Никакие внешние факторы не влияют.....	4,7

¹ За 100 % принято общее количество ответов, которые дали не все опрошенные.

Фактор здоровья, тем не менее, является весьма значимым как ценность личной жизни. Женщины выделили в качестве приоритетных ценностей здоровье членов семьи — 470 чел. (47 %), собственное здоровье — 249 чел. (24,9 %), работу как источник дохода — 138 чел. (13,8 %), учебу — 61 чел. (6,1 %), взаимоотношения в семье — 202 чел. (20,2 %), внешний облик — 119 чел. (11,9 %), взаимоотношения в трудовом коллективе — 85 чел. (8,5 %), детей (если есть) — 344 чел. (34,4 %).

Из 931 (93,1 %) ответившей пациентки 36 (3,9 %) оценили общее состояние своего здоровья как отличное, хорошее — 304 (32,7 %), среднее — 511 (54,9 %), плохое — 70 (7,5 %), очень плохое — 10 чел. (1,1 %). Как видим, жительницы малых городов в большинстве себя здоровыми не считают и, следовательно, рассчитывают на медицинскую помощь как составную часть своего образа жизни. Чаще всего при этом они обращаются к участковым терапевтам и участковым гинекологам, что не удивительно. Таким образом, потребность в гинекологической помощи растет год от года. Если раньше гинекологическое здоровье женщин заметно ухудшалось в больших городах, то сейчас эта тенденция проявила себя и в малых городах.

Средний возраст полового дебюта женщин в малом городе составил, по нашим данным, среди 917 респонденток 18,4 года (91,7 %), 17—18 лет (45,3 %) и 20—25 лет (24,8 %), в то время как до 17 лет первый половой контакт состоялся у 15,4 % респонденток. Возраст полового дебюта жительниц малого города, %:

13 лет.....	0,8
14—15.....	4,8
16.....	9,8
17.....	18,4
18.....	26,8
19.....	13,4
20—25.....	24,8
Более 25.....	1,2

Начало половой жизни произошло не в браке у 38,1 %, перед регистрацией брака — 32,8 %, после регистрации брака — 19,5 %, перед гражданским браком — 4,1 %, в гражданском браке — 5,5 %. Таким образом, очевидна тенденция распространения пробных браков, давно закрепившаяся в крупных городах.

Репродуктивное поведение женщин в малых городах отличается ориентацией на деторождение в большинстве случаев (табл. 2).

Таблица 2

Основные характеристики репродуктивного поведения жительниц малого города, %

Бере- мен- нос- тей не было	Роды — 762 чел. (76,2 %)			Аборты — 390 чел. (39 %)					Мини-аборт — 118 чел. (11,8 %)		
	1	2	≥ 3	1	2	3	4—9	≥ 10	1	2	≥ 3
12,7	19,1	49,8	13,9	34,4	25,4	17,4	16,7	6,2	60,2	24,6	15,2

При этом прерываний беременности медикаментозным методом отметили 16 чел. (1,6 %), самопроизвольных выкидышей — 72 чел. (7,2 %), замерших беременностей — 39 чел. (3,9 %), криминальных абортов — 2 чел.

(0,2 %), прерываний по медицинским показаниям — 16 чел. (1,6 %), прерываний по социальным показаниям — 4 чел. (0,4 %).

Если исходить из того, что идеалом репродуктивного поведения является отсутствие аборт, то ситуация в малых городах оставляет желать лучшего. Однако следует отметить снижение числа женщин, решившихся на каждый следующий аборт: с 34,4 (1 аборт) до 6,2 % (10 и более аборт). Что же касается рождаемости, то она однозначно выше, чем в крупных городах, особенно по показателю «вторые роды».

Мы выясняли и структуру заболеваемости среди жительниц малых городов, но она мало чем отличается от среднестатистических показателей: преобладают нарушения менструального цикла, с жалобой на них, в основном, и обращаются к гинекологам. Но в какие именно учреждения? (табл. 3).

Таблица 3

Куда обращаются за медицинской помощью женщины в малых городах

	Участковая больница	Женская консультация ЦРБ	Женская консультация краевого центра	Краевая консультативная поликлиника	Частная клиника	Постоянный врач в другом лечебном учреждении	Разные врачи
Всего, чел.	465	578	122	171	196	236	307
из них всегда, %	33,1	29,2	8,2	5,8	6,1	42,4	8,5
из них иногда, %	66,9	70,8	91,8	94,2	93,9	57,6	91,5
Никогда, чел.	139	66	335	290	268	220	135

Как видим, женщины более всего доверяют врачам женских консультаций ЦРБ и участковых больниц, на втором месте — «свои» врачи. Впрочем, «свои» они и в участковой больнице, и в ЦРБ, поскольку в малых городах фигура врача известна всем. Но сравнение данных, полученных при ответе на указанный вопрос, позволяет сделать вывод, что для жителей малого города, типичным пациентом в котором является именно женщина, главным фактором при выборе учреждения здравоохранения является личность врача. Еще одним немаловажным фактором выступает шаговая доступность учреждения здравоохранения. И здесь мы видим как преимущества, так и недоработки трехуровневой модели организации медицинской помощи: преимущества — в выделении первичного звена по критерию шаговой доступности, недоработка — в абсолютном игнорировании такой составляющей медицинской помощи, как отношения врача и пациента. Техницистская модель врачевания, имманентно присущая третьей ступени обсуждаемой структуры оказания медицинской помощи, не принимается женщинами-пациентками, проживающими в малых городах. Об этом говорит не только весьма низкий интерес к учреждениям здравоохранения, оказывающим высокотехнологичную помощь, но и ответы на последующие вопросы нашей анкеты.

Так, эффект от лечения в своем городе оценили 556 (55,6 %) респондентов, из них как положительный стойкий — 337 чел. (60,6 %), положительный нестойкий (временный) — 164 чел. (29,5 %), эффект отсутствовал, состояние прежнее — 55 чел. (9,9 %), эффект отсутствовал, состояние ухудшилось — 0.

Среди 544 (54,4 %) обратившихся в участковую больницу пациенток удовлетворены оказанием помощи полностью 299 чел. (55 %), частично — 229 чел. (42,1 %), не удовлетворены 16 чел. (2,9 %). При этом из них оценили оказание помощи на амбулаторном приеме участковой на 5 баллов 259 чел. (47,6 %), на 4 балла — 199 чел. (36,6 %), 3 балла — 64 чел. (11,8 %), 2 балла — 14 чел. (2,6 %), 1 балл — 8 чел. (1,5 %).

Из 661 (66,1 %) обратившихся в женскую консультацию ЦРБ пациенток удовлетворены оказанием помощи полностью 341 чел. (51,6 %), частично — 300 чел. (45,4 %), не удовлетворены — 20 чел. (3 %). При этом оценили оказание помощи в женской консультации ЦРБ в баллах 615 пациенток (93 %), из них 5 баллов поставили 243 чел. (39,5 %), 4 балла — 240 чел. (39 %), 3 балла — 102 чел. (16,6 %), 2 балла — 17 чел. (2,8 %), 1 балл — 16 чел. (2,6 %).

Свое мнение о необходимости расширения и укрепления акушерско-гинекологической составляющей медицинской помощи жителям малого города указали 641 (61 %) респонденток, из них считают, что это абсолютно необходимо 316 чел. (49,3 %), необходимо — 163 чел. (25,4 %), более важно, чем открытие высокотехнологичных центров в крупных городах, — 79 чел. (12,3 %), возможно, необходимо — 43 чел. (6,7 %), не нужно — 3 чел. (0,5 %), не знают — 37 чел. (5,8 %). Таким образом, считают необходимым, в целом, 601 чел. (93,8 %).

В программе модернизации предусмотрены такие меры, как капитальный ремонт медицинских учреждений малых городов, повышение зарплаты сотрудникам, оснащение новым оборудованием амбулаторий и ЦРБ. Это хорошо. Но одновременно предусмотрено сокращение числа подобных учреждений здравоохранения, сокращение коечного фонда, закрытие во многих малых городах родильных домов и родильных отделений. Адаптация к российским условиям западноевропейской модели оказания медицинской помощи совершенно не учитывает специфику малых городов России, которые весьма сильно отличаются от малых городов Европы. Не учтены расстояния, качество дорог, традиции земской медицины. И то, что женщины в малом городе, как показало исследование, реже болеют, чаще рожают, меньше делают аборт по сравнению с жительницами крупных городов, никем не анализировалось при разработке программы модернизации. Более того, мы не нашли в документах Минздрава России, доступных на его сайте, сведений об изучении мнения жителей малых городов об изменениях в системе здравоохранения [4]. Возможно, этим должны были заниматься другие организации, но не занимались. В любом случае, можно сделать только один вывод: любое мероприятие федеральной или региональной власти, затрагивающее интересы жителей малых городов, должно проходить квалифицированную социологическую экспертизу, прежде чем быть реализованным. И мы полностью согласны с теми авторами, которые считают, что мероприятия, касающиеся здоровья населения, нуждаются еще и в гуманитарной экспертизе [5].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Назаров А. Г. Малые города России: становление, развитие, историческая судьба [Электронный ресурс] // Экологический центр ИИЕТ РАН, Институт «Открытое общество». М., 2012. URL: <http://ihst.ru/~biosphere/03-1/mal-GOR.htm>. 31.01.2013 (дата обращения: 31.01.2013).
2. ВИКИПЕДИЯ. Города России [Электронный ресурс]. URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/%C3%EE%F0%EE%E4%E0_%D0%EE%F1%F1%E8%E8. (дата обращения: 28.01.2012).
3. Григорян В. А., Селихова М. С., Костенко О. В. Нарушение преемственности в деятельности врачей амбулаторного и стационарного звеньев как медицинская и этическая проблема // Биоэтика. 2012. № 2(10). С. 54—56.
4. Седова Н. Н., Приз Е. В. Об этической экспертизе законопроектов в сфере охраны здоровья // Биоэтика. 2011. № 2 (8). С. 10—12.
5. Седова Н. Н. Все законы когда-то были нормами морали... // Биоэтика. 2009. № 1. С. 37—42.

1. Nazarov A. G. Malye goroda Rossii: stanovlenie, razvitie, istoricheskaya sud'ba [Elektronnyy resurs] // Ekologicheskiy tsentr IIET RAN, Institut «Otkrytoe obshchestvo». M., 2012. URL: <http://ihst.ru/~biosphere/03-1/mal-GOR.htm>. 31.01.2013 (data obrashcheniya: 31.01.2013).
2. VIKIPEDIYa. Goroda Rossii [Elektronnyy resurs]. URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/%C3%EE%F0%EE%E4%E0_%D0%EE%F1%F1%E8%E8. (data obrashcheniya: 28.01.2012).
3. Grigoryan V. A., Selikhova M. S., Kostenko O. V. Narushenie preemstvennosti v deyatel'nosti vrachev ambulatornogo i statsionarnogo zven'ev kak meditsinskaya i eticheskaya problema // Bioetika. 2012. № 2(10). S. 54—56.
4. Sedova N. N., Priz E. V. Ob eticheskoy ekspertize zakonoproektov v sfere okhrany zdorov'ya // Bioetika. 2011. № 2 (8). S. 10—12.
5. Sedova N. N. Vse zakony kogda-to byli normami morali... // Bioetika. 2009. № 1. S. 37—42.

© Барковская А. Ю., Хуако Г. А., Камкин Е. Г., 2013

Поступила в редакцию
в январе 2012 г.

УДК 316.344.24:616-051

*А. Д. Доники,
Г. Ю. Бударин,
В. А. Леонова*

**ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ КОНТЕКСТ
СТРАТЕГИИ ВЫЖИВАНИЯ
В КРУПНОМ ПРОМЫШЛЕННОМ
ГОРОДЕ
(на модели профессиональной
группы врачей)**

Обсуждаются результаты социологического исследования профессионального поведения врачей как стратегии выживания в условиях большого города. Модельную группу составили врачи-терапевты амбулаторно-поликлинического звена Волгограда (N= 97). Для проведения исследования была использована модифицированная методика В. В. Бойко. Результаты исследования демонстрируют необходимость интеграции социально ориентированного подхода в систему мероприятий по модернизации отечественной системы здравоохранения, рассматривающего профессиональную группу врачей с позиции степени ее социальной защищенности.

Ключевые слова:

профессиональная модель,
социальная группа,
профессиональный стресс,
компенсаторные механизмы,
стратегия выживания,
социально ориентированный
подход.

*A. D. Donika,
G. Yu. Budarin,
V. A. Leonova*

**PROFESSIONAL CONTEXT
OF SURVIVAL STRATEGIES
IN A BIG INDUSTRIAL CITY (based on
the model
of professional group
of doctors)**

Анализ современных исследований профессий в междисциплинарном поле позволяет выделить три базовых аспекта профессионализации, рассматривающие ее как:

социальный феномен, отражающий процессы глобализации современного общества;

индивидуальную профессионализацию, процесс овладения человеком конкретной профессиональной деятельностью;

систему социальных институтов, регулирующих процесс освоения личностью профессиональной роли и обеспечивающих возможность эффективного использования своего потенциала.

Исследование профессии в контексте первого аспекта наиболее адекватно на модели профессиональной группы крупного промышленного города, среда обитания которого наиболее точно характеризует жесткие условия современного рынка труда.

Интеграция западных моделей в отечественную систему здравоохранения инициирует интерес к зарубежной социологии. В своей лекции [1] профессор М. Сакс (Великобритания) описывает модусы управления профессиями как привилегированными занятиями на примере сферы здравоохранения. М. Сакс рассматривает переосмысление отношений между профессиями, государством и гражданами и их регулирование по аналогии с устройством и регулированием в зверинце. Эта аналогия исходит из неовеберовской перспективы, в которой профессии рассматриваются как привилегированные группы в сфере занятости, преследующие порой «хищнические» интересы на рынке с помощью инструментов социального закрытия (оценки, контроля, условий оплаты и др.).

Лекция М. Сакса наглядно демонстрирует сохраняющиеся существенные различия между англо-американским и континентальным (европейским) подходами к понятиям профессий и профессионализма. Первый подход помимо профессий выделяет занятия (occupations), рассматривая, с одной стороны, проблемы их превращения в профессии, а с другой — привилегированное положение профессионалов на рынке труда через профессиональное закрытие (professional closure). При втором

The paper discusses the results of the sociological research of professional conduct of physicians as the survival strategy in a big city. The model group consists of physicians of outpatient in Volgograd ($N = 97$). A modified V. V. Boyko's technique was used to carry out the research. The results of the study reveal the need to integrate social-oriented approach in a series of measures for the national public health service modernization, that considers the professional group of physicians from the perspective of its degree of social safety.

Key words:

professional model,
social group,
professional stress,
compensatory mechanisms,
survival strategy,
social-oriented approach.

Об авторах:

Доника Алена Дмитриевна —
кандидат медицинских наук,
доктор социологических наук,
доцент, ответственный секретарь
журнала «Биоэтика»,
доцент кафедры мобилизацион-
ной подготовки здравоохранения
и медицины катастроф,
Волгоградский государственный
медицинский университет (ВолГМУ),
addonika@yandex.ru

Donika Alena Dmitriyevna —
Candidate of Medical Science,
Doctor of Sociology, Docent,
Executive Editor
of "Bioethics" magazine,
Docent of Mobilization
Training of Public Health Service
and Disaster Medicine Department,
Volgograd State Medical University

Бударин Глеб Юрьевич —
кандидат социологических наук,
зам. главного редактора журнала
«Социальное и пенсионное право»
(Москва)

Budarin Gleb Yurevich —
Candidate of Sociological Science,
Deputy Chief Editor of "Social and retiring right"
magazine (Moscow)

Леонова Вера Аркадьевна —
врач-стоматолог консультативной стома-
тологической поликлиники Клинической
больницы
им. Миротворцева,
Саратовский государственный
медицинский университет им. Разумов-
ского, dr-ortodont@mail.ru

Leonova Vera Arkadevna —
Dentist of Consultative Dental Care Clinic,
Saratov State Medical University
named after Razumovskiy

подходе, развивающемся во Франции и странах континентальной Европы, профессии определяются более широко, и исследуются главным образом профессиональная идентичность, карьерные траектории, профессиональное обучение и компетенции. Несмотря на доминирование последнего подхода в исследованиях отечественных ученых, нельзя не отметить признаки англо-американского влияния на современные тенденции развития национальной системы здравоохранения.

Наиболее выраженный признак, на наш взгляд, это интеграция жесткой стандартизации работы с контрольными цифрами и индикаторами их выполнения, теснящих свободу действий профессионалов в сложных ситуациях, связанных с их компетенциями. Это приводит к развитию конкуренции в индивидуалистическом духе в противоположность коллегиальности во взаимодействии, традиционным российским ценностям, доминированию контроля приоритетов со стороны медицинской организации. С другой стороны, сохраняется неадекватность в оплате труда российских врачей и перегруженность профессиональной деятельности, наиболее выраженные в работе служб, оказывающих первичную медико-санитарную помощь. Одна из причин функциональной перегруженности врачей первичного звена в крупном промышленном городе — неадекватно высокая численность населения, прикрепленного к одному амбулаторному участку: номинально в крупных городах 1800—2500 человек на 1 участок, фактически — до 4000 человек. Это трансформирует «функции врача в функции оператора по выписке рецептов на лекарственные препараты» [2].

Возрастающий в условиях крупного города эмоционально-психологический прессинг превращает профессиональную деятельность врача в своеобразную стратегию выживания. С целью экспликации социально-психологических маркеров новой стратегии профессионального поведения мы провели социологическое исследование на модели группы врачей-терапевтов, работающих в амбулаторно-поликлиническом звене Волгограда ($N = 97$). Для проведения исследования была использована

модифицированная методика В. В. Бойко, позволяющая определить стадию развития фаз и уровень сформированности основных симптомов синдрома профессионального выгорания (СПВ): в 1-й фазе (напряжения) — симптомы переживания психотравмирующих ситуаций, неудовлетворенность собой, «загнанность в клетку», тревога и депрессия, во 2-й фазе (резистенции) — симптомы неадекватного избирательного реагирования, эмоционально-нравственной дезориентации, расширения сферы экономии эмоций и редукция профессиональных эмоций; в 3-й фазе (истощения) — симптомы эмоционального дефицита, эмоциональной отстраненности, личностной отстраненности (деперсонализации) и психосоматические и психовегетативные нарушения.

Полученные результаты диагностики синдрома профессионального выгорания в исследуемой группе врачей позволяют констатировать значительную его распространенность — у 72,5 % врачей-терапевтов регистрируются сложившиеся симптомы. Сформировавшаяся фаза отмечена у 30,9 % терапевтов, при этом у 20,6 % терапевтов диагностированы фазы СПВ в стадии формирования. Полное отсутствие даже начальных симптомов СПВ отмечено только у 13,7 % терапевтов. Обращает внимание, что у всех исследуемых среди сложившихся симптомов СПВ чаще регистрируются симптомы фазы резистенции ($p < 0,05$). При этом сформировавшаяся фаза резистенции отмечается у 20,6 % врачей-терапевтов (достоверно чаще, чем другие фазы СПВ) и формирующаяся — у 24,1 % ($p > 0,05$). Среди сформировавшихся симптомов наиболее часто встречается симптом неадекватного избирательного реагирования, отмеченный у 51,6 % терапевтов.

Преобладание симптомов фазы резистенции свидетельствует о компенсации нервно-эмоционального выгорания, механизмы которой отражают доминирующие симптомы этой фазы. Следовательно, можно сделать вывод о развитии такого компенсаторного механизма в профессиональной коммуникации врачей, как *эмоциональная отстраненность* (другими словами — развитие индифферентного отношения к пациентам).

Анализ средних значений набранных баллов подтверждает данные распределительного анализа — суммарный показатель фазы резистенции достоверно больше, чем других фаз СПВ (табл. 1).

Таблица 1

Средние значения основных показателей СПВ у врачей модельных групп в крупном промышленном городе

Наименование симптомов и фаз СПВ	Среднее значение набранных баллов, $M \pm m$
I. Фаза напряжения и ее симптомы:	29,41±2,57
1. Переживание психотравмирующих ситуаций	10,62±1,22
2. Неудовлетворенность собой	5,89±1,02 $p(1-2) < 0,0005$
3. «Загнанность в клетку»	5,55±1,12 $p(1-3) < 0,0001$
4. Тревога и депрессия	7,44±1,42 $p(1-4) < 0,05$

Окончание табл. 1

Наименование симптомов и фаз СПВ	Среднее значение набранных баллов, $M \pm m$
II. Фаза резистенции и ее симптомы:	41,24±4,21 $p(I-II) < 0,005$
1. Неадекватное избирательное реагирование	14,24±1,02
2. Эмоционально-нравственная дезориентация	7,03±1,52 $p(1-2) < 0,005$
3. Расширение сферы экономии эмоций	8,93±1,42 $p(1-3) < 0,05$
4. Редукция профессиональных обязанностей	11,51±1,51
III. Фаза истощения и ее симптомы:	27,89±3,11 $p(II-III) < 0,0001$
1. Эмоциональный дефицит	7,03±1,37
2. Эмоциональная отстраненность	6,72±1,22
3. Личностная отстраненность (деперсонализация)	7,17±1,41
4. Психосоматические и психовегетативные нарушения	6,41±1,34
Общий показатель эмоционального выгорания	98,55±6,16

Между суммарным показателем СПВ и суммарными показателями его фаз получены следующие коэффициенты корреляции: с фазой напряжения — 0,76; резистенции — 0,86; истощения — 0,63 (табл. 2).

Таблица 2

Ранжирование симптомов СПВ по значению коэффициента корреляции с суммарным показателем

Симптом СПВ	Ранговое место с учетом значения r	Значение r (+)
Неудовлетворенность собой	1	0,75
Расширение сферы экономии эмоций	2	0,72
Личностная отстраненность (деперсонализация)	3	0,69
Редукция профессиональных обязанностей	4	0,67
Психосоматические и психовегетативные нарушения	5	0,65
Тревога и депрессия	6	0,64
Неадекватное избирательное реагирование	7	0,59
Эмоциональный дефицит	8	0,57
«Загнанность в клетку»	9	0,52
Переживание психотравмирующих ситуаций	10	0,51
Эмоциональная отстраненность	11	0,48
Эмоционально-нравственная дезориентация	12	0,37

Наибольшие величины средних значений получены для трех симптомов, из которых на первом месте симптом неадекватного избирательного реагирования, на втором месте — симптом переживания психотравмирующих ситуаций и на третьем — редукции профессиональных обязанностей (см. табл. 2).

Формирование последнего можно рассматривать как фактор риска для де-профессионализации — ухода из профессионального поля (сформировался у 20,6 % (каждого пятого!), а у 30,9 % врачей регистрируется в стадии формирования).

Таким образом, используя в качестве инструментария методику диагностики симптомов профессионального выгорания, можно эксплицировать следующие компенсаторные механизмы профессионального поведения: экономия эмоций, личностная отстраненность, избирательное реагирование и, в конечном счете, редукция профессиональных обязанностей, демонстрирующие стратегию выживания врача в современных условиях крупного промышленного города.

Анализ результатов проведенного исследования подтверждает необходимость интеграции социально ориентированного подхода в систему мероприятий по модернизации отечественной системы здравоохранения, рассматривающего профессиональную группу врачей с позиции степени ее социальной защищенности. Безусловным условием эффективности такого подхода является совершенствование правовой базы в рассматриваемом поле с учетом комплементарности прав пациентов и врачей [3; 4].

Можно предположить, что применение данного подхода к рассмотрению других профессиональных групп может помочь в экспликации негативного влияния факторов урбанизации на формирование паттернов профессиональной деятельности по критерию самосохранительного поведения. Эта задача достаточно актуальна, поскольку депрофессионализация в городской среде является важной социальной проблемой.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Сакс М. Вызовы к профессионализму: профессиональный зоопарк // Вызовы профессионализму: ограничения и достоинства профессиональной модели. Осло, 2008.
2. Концепция развития системы здравоохранения в Российской Федерации до 2020 года [Электронный ресурс]. URL: <http://www.zdravo2020.ru> (дата обращения: 12.12.2012).
3. Доника А. Д., Кожевников Л. Л. Соответствие норм Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в РФ» нормам и принципам биоэтики // Биоэтика. 2011. № 2(8). С. 26—27.
4. Седова Н. Н., Приз Е. В. Об этической экспертизе законопроектов в сфере здравоохранения // Биоэтика. 2011. № 2 (8). С. 10—11.
1. Saks M. Vyzovy k professionalizmu: professional'nyy zoopark // Vyzovy professionalizmu: ogranicheniya i dostoinstva professional'noy modeli. Oslo, 2008.
2. Kontseptsiya razvitiya sistemy zdravookhraneniya v Rossiyskoy Federatsii do 2020 goda [Elektronnyy resurs]. URL: <http://www.zdravo2020.ru> (data obrashcheniya: 12.12.2012).
3. Donika A. D., Kozhevnikov L. L. Sootvetstvie norm Federal'nogo zakona «Ob osnovakh okhrany zdorov'ya grazhdan v RF» normam i printsipam bioetiki // Bioetika. 2011. № 2(8). S. 26—27.
4. Sedova N. N., Priz E. V. Ob eticheskoy ekspertize zakonoproektov v sfere zdravookhraneniya // Bioetika. 2011. № 2 (8). S. 10—11.

© Доника А. Д., Бударин Г. Ю., Леонова В. А., 2013

Поступила в редакцию
в январе 2013 г.

УДК 02.41

*Н. С. Дятчина***ФЕНОМЕН МУЗЫКИ
В ПРОСТРАНСТВЕ ГОРОДСКОЙ
КУЛЬТУРЫ**

Предметом исследования данной статьи является проблема бесконфликтного сосуществования различных музыкальных жанров в едином городском пространстве. В качестве модели автор использует феномен совместного бытия, взаимоотношения современной рок-музыки и музыки православной, погруженной в более общий контекст — православную культуру.

Ключевые слова:

городское пространство,
рок-музыка,
православная музыка,
православная культура.

*N. S. Dyatchina***MUSIC PHENOMENON
IN URBAN CULTURE SPACE**

The object of this article is the problem of conflict-free coexistence of different musical genres in a single urban space. As the model the author uses the phenomenon of mutual existence, interrelation of modern rock music and orthodox music dipped in more common context — orthodox culture.

Key words:

urban space,
rock music,
orthodox music,
orthodox culture.

Об авторе:

Дятчина Наталья Сергеевна —
аспирант кафедры философии,
социологии и психологии, ВолГАСУ,
96-99-25

Dyatchina Natalya Sergeevna —
Postgraduate student of Philosophy,
Sociology and Psychology Department, VSUACE

Музыкальное искусство во все времена играло важную роль в жизни человечества, но особую актуальность феномен музыки приобретает в современном городском пространстве, где одновременно сосуществуют разнообразные музыкальные жанры и направления — от православных песнопений и классики до поп, рок, рэп, панк и других. Музыка звучит в церкви, в концертных залах, в ночных заведениях, на телевидении и в Интернете, причем каждое из музыкальных направлений имеет свою аудиторию и свои границы музыкального пространства.

Основная социальная значимость музыки заключается, как известно, в объединении и установлении согласия между людьми различных поколений и вероисповеданий, однако бывает и так, что пересечение различных музыкальных жанров приводит к конфликтам и разладу. В этой связи возникает вопрос: возможно ли и как возможно мирное сосуществование различных музыкальных культур в едином городском социуме?

В данной статье мы пытаемся ответить на этот вопрос, анализируя отношение двух полярных версий музыкального творчества — рок-музыки и музыки православной, тесно связанной с духовным содержанием христианской религии.

Рок-музыка — это музыка резкого звучания, с выкриками, эпатажем, напряженными фразами, которые для некоторых слушателей являются внезапным толчком, позволяющим взглянуть на мир по-новому и разбудить в человеке то доброе начало, которое заложено в нем природой.

Совместима ли рок-музыка с духовным миром православного человека? Некоторые православные священники, имеющие современные взгляды на жизнь, пытаются привлечь молодежь к православной вере различными способами, в том числе и выступлением на рок-концертах, где встречаются исполнитель и его поклонники. Цель таких действий — привлечение молодежи к православной вере при помощи кумира, который может заявить многотысячной толпе о своей вере. Возможно, увидя священника в рясе на рок-концерте, молодежь задумается о своей жизни, переосмыслит ее, и рок-музыка поможет сблизить церковь и молодежь.

Среди современных музыкантов, в том числе и рокеров, есть много таких, которые исповедуют православие, свято чтут православные традиции. Встречаются и священники, которые увлекаются рок-музыкой, что не мешает им нести службу в храме, как это делает протоиерей Олег Скобля, который пишет песни в стиле рок и исполняет их вместе со своими друзьями рок-музыкантами.

Подобную пропаганду православия на рок-концертах проводит профессор богословия диакон Андрей Кураев, который выступал с православными проповедями в ряде концертных туров с К. Кинчевым, группой «Алиса» и другими популярными рок-музыкантами в Санкт-Петербурге и городах Урала, и такую пропаганду православия называли «битвой за молодежь» [1]. Это новое и нетрадиционное явление расценивалось как коллективный катарсис, в котором объединились рок-музыканты, аудитория и священник. А. Кураев написал в предисловии нового альбома группы «Алиса», что «песни Кинчева — это протест против потребительства, материализма и банального примитивизма».

«Христианство не должно быть сладеньким, — пишет Кураев. — В нем есть место и Божью гневу. А какая музыка лучше, чем рок, способна это выразить?» [1]. На встрече в Вятском православном духовном училище он заявил: «Быть православным — не значит эмигрировать в Средние века. Можно быть современным человеком, жить в мире, где есть Интернет, смотреть фильмы про матрицу или читать «Властелин колец» и во всем этом видеть отголоски евангельских заповедей» [1].

На одном из заседаний богословской православной секции другой представитель православной церкви, священник Михаил Першин, сравнил рок-музыкантов со скорой помощью. «Я не призываю всех православных слушать русский рок, но для миссионеров очень важно находить зерна и изучать язык молодой субкультуры» [2]. Он также заметил, что «иконы ведь тоже не всегда были в Церкви, однако христианство нашло возможность выразить истину о воплотившемся Боге средствами живописи» [2]. Другими словами, о. М. Першин подчеркивает, что наряду с теми элементами, которые не могут быть приняты ни при каких обстоятельствах, в культуре есть символы, значимые для язычников, которые можно использовать в проповеди. «Отрицание культуры никогда не было свойственно христианству, потому что христианство не боится раствориться в культуре, оно осознает свою мощь» [2]. По мнению о. Михаила, рок в лучших своих песнях говорит о том, о чем общество молчит: «Рок может быть мостом, связующим молодежь и Церковь» [2].

Концепция «христианского рока» обсуждалась не только в православии, но и в ряде католических церквей. Подобная попытка привлечь молодежь к церкви была принята папой римским Бенедиктом XVI, и был выпущен диск с восемью треками «Музыка из ватиканской альма-матер», который включил в себя песнопения в исполнении папы римского Бенедикта XVI на латинском, итальянском, португальском, французском и немецком языках, посвященные Деве Марии, под аккомпанемент Королевского филармонического оркестра Лондона. Те, кому довелось услышать пение понтифика, говорят, что у него «очень сильный и эмоциональный голос». Два года назад папа подчеркнул свою любовь к музыке, сказав: «Я уверен, что музыка — это универсальный язык красоты, который может объединить всех людей на земле» [3].

Музыка этого альбома имеет объединяющий контекст, так как над ним работали музыканты различных вероисповеданий: марокканец Нур Эддин — мусульманин, итальянец Стефано Майнетти — католик, британец Саймон Босуэлла — агностик, поэтому альбом можно смело назвать международно-религиозным, так как католическая музыка завоевывает общее мировое пространство. Президент компании «Геффен» в Великобритании Колин Барлоу сказал: «Эта музыка — настоящее произведение искусства, а в сочетании с Королевским филармоническим оркестром и хором получается что-то совершенно новое, чего раньше никто не делал. Никто бы не подумал, что такой альбом возможен, и, мне кажется, он придется по вкусу огромному количеству людей» [3]. А дирижер хора собора св. Павла монсиньор Пабло Колино прокомментировал это событие следующим образом: «Я работал с шестью папами, но не слышал, чтобы кто-либо из них пел так же красиво или так же хорошо разбирался в музыке [3]. «Красота этой музыки должна поразить слушателей. Удивляет и качество музыки, и ее разносторонность», — цитирует газета генерального менеджера студии Риккардо Фернандеса [3]. Записывая этот альбом, понтифик преследовал гуманистическую идею пропаганды музыкального образования для детей из бедных семей по всему миру.

При обсуждении этого вопроса выявились и более консервативные, противоположные взгляды, которые высказывает, например, настоятель храма во имя Святой Мученицы Татианы при МГУ протоиерей Максим. По его мнению, литургические реформы и прочие нововведения II Ватиканского собора не привели массы людей в Церковь, а традиционно настроенные католики только покинули Церковь. Протоиерей Максим напомнил, что апостол Павел не использовал театра для проповеди христианства, святитель Иоанн Златоуст также не рекомендовал православным увлекаться театром, а святитель Тихон Задонский говорил о невозможности для христиан участвовать в праздновании дня Ярилы. «Я не думаю, что мы слишком оптимистично должны подходить к воцерковлению нашего общества, — отметил протоиерей Максим. — Давайте не смешивать и не соединять несоединимых понятий!» [2]. Он выразил принципиальное несогласие с возможностью участия священников в рок-концертах и сказал, обратившись к присутствовавшему на заседании А. Кураеву, выступления которого предварили несколько концертов К. Кинчева и других музыкантов: «Скоро дело дойдет до массового участия клириков в рок-концертах, и тот, кто это начал, будет нести ответственность» [2]. В качестве альтернативы священник предложил церковное воспитание молодежи и подчеркнул, что «если детей с малых лет приучать к церковному пению и классической музыке, то у них вырабатывается стойкий иммунитет к сегодняшней рок- и поп-музыке» [2].

Официальная позиция церковных иерархов является более терпимой по отношению к новым музыкальным жанрам. Так, Патриарх Московский и всея Руси Алексей II одобрял создание такого музыкального жанра, как «православный христианский рок». Он понимал степень влияния православной рок-музыки таких групп, как «ДДТ», «Калинов мост», «Трубный зов», «Мономах», «Новый завет» и др. Эта позиция находит свое основание и в канонических библейских текстах. Так, в псалме 150 прямо говорится: «Хвалите Его со звуком трубным, хвалите Его на псалтири и гусях. Хвалите Его с тимпаном и ликами, хвалите Его на струнах и органе. Хвалите Его на звучных ким-

валах, хвалите Его на кимвалах громогласных. Все дышащее да хвалит Господа!», а что еще другое, как ни музыка, может способствовать воспеванию, восхвалению и прославлению Иисуса Христа?

Таким образом, можно констатировать, что, несмотря на различия во взглядах, произошло вторжение современной рок-музыки в религиозное пространство и даже намечаются пути ассимиляции этого жанра в общую культуру православия. Трудно сказать, насколько бесконфликтным в дальнейшем будет этот процесс, однако то, что он возможен, показывают не столько идеологические споры, сколько реальная музыкальная практика, взятая в ее лучших образцах.

В данном случае мы можем сослаться на известную рок-оперу «Иисус Христос — суперзвезда». В этом произведении Иисус Христос представлен в образе человека, и, несмотря на это, музыкальное сочинение пользуется популярностью и бесконфликтно существует 22 года на сценической площадке театра им. Моссовета. Концепция этого произведения служит толчком к осознанию и пониманию жизненного подвига Иисуса Христа. В этом заключается и миссионерский смысл этого произведения. Но главное ее общекультурное значение — обеспечение синтеза различных информационных потоков в едином пространстве современного города.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Религия и общество. Панк-акция в храме Христа Спасителя: мнения [Электронный ресурс] // СОВА: информационно-аналитический центр. URL: <http://www.sova-center.ru/religion/discussion/society> (дата обращения: 09.01.2013).

2. Молодежная субкультура стала предметом активной дискуссии священнослужителей [Электронный ресурс] // Интернет-журнал «Православие. Ру». URL: <http://www.pravoslavie.ru/news/12536.htm> (дата обращения: 16.01.2013).

3. Богословский клуб во имя святого Максима Исповедника [Электронный ресурс]. URL: <http://bogosioclub.org.ua/?p=108>

1. Religiya i obshchestvo. Pank-aktsiya v khrame Khrista Spasitelya: mneniya [Elektronnyy resurs] // SOVA: informatsionno-analiticheskiy tsentr. URL: <http://www.sova-center.ru/religion/discussion/society> (data obrashcheniya: 09.01.2013).

2. Molodezhnaya subkul'tura stala predmetom aktivnoy diskussii svyashchenno-sluzhiteley [Elektronnyy resurs] // Internet-zhurnal «Pravoslavie. Ru». URL: <http://www.pravoslavie.ru/news/12536.htm> (data obrashcheniya: 16.01.2013).

3. Bogoslovskiy klub vo imya svyatogo Maksima Ispovednika [Elektronnyy resurs]. URL: <http://bogosioclub.org.ua/?p=108>

© Дятчина Н. С., 2013

*Поступила в редакцию
в январе 2013 г.*

УДК 72.067

*М. П. Назарова,
П. П. Олейников*

**ИСЧЕЗНУВШИЙ
И ВОЗРОЖДЕННЫЙ:
АРХИТЕКТУРА СТАЛИНГРАДА
ДО И ПОСЛЕ
СТАЛИНГРАДСКОЙ БИТВЫ**

В рамках данной статьи Сталинград рассматривается как социокультурный феномен, используется междисциплинарный подход к его анализу. Выявляются изменения городской пространственной среды под воздействием происходящих социальных процессов.

Ключевые слова:

город,
социальные процессы,
архитектурное пространство Сталинграда.

*M. P. Nazarova,
P. P. Oleinikov*

**DISAPPEARED
AND RENEWED:
THE ARCHITECTURE
OF STALINGRAD
BEFORE AND AFTER
THE BATTLE OF STALINGRAD**

In this article Stalingrad is considered as social and cultural phenomenon. Interdisciplinary approach is used in the analysis. The authors reveal the changes in urban space caused by social processes.

Key words:

city,
social processes,
architectural space of Stalingrad.

Сталинград среди городов Советского Союза в предвоенные годы имел особый статус. Получив имя вождя и, как следствие, соответствующее отношение центральных властей, город интенсивно развивался. «Выиграв тендер» на строительство тракторного завода у Ростова-на-Дону, Воронежа, Таганрога, Сталино, Запорожья, Харькова, Сталинград стремительно ворвался в эпоху индустриализации [1]. С приобретением нового статуса крупного промышленного и регионального центра потребовались изменения в градостроительных решениях, связанные с увеличением численности населения. Это сказалось в дальнейшем на развитии всех отраслей городского хозяйства, в том числе на архитектуре, строительстве и проектной работе. Начиная с 1930-х гг. в Сталинграде имели место архитектурные и градостроительные эксперименты, и город стал одним из полигонов для воплощения социалистических идей.

В строительстве и архитектуре предвоенных лет Сталинграда (после завершения Гражданской и до начала Великой Отечественной войны) можно выделить несколько периодов.

Первый период — 1922—1927 гг.:

строительство жилых одно-, реже двухэтажных зданий (щитовых деревянных, иногда кирпичных) велось частными застройщиками;

в сфере городского хозяйства средства выделялись в основном для поддержания построек в нормальном эксплуатационном состоянии. Нового строительства в центре практически не велось или велось в очень ограниченном объеме;

происходило переустройство культовых сооружений под кино клубы, библиотеки, читальни; проводилось строительство рабочих поселков на заводе «Красный Октябрь».

Второй период — 1928—1931 гг.:

началось строительство Сталинградского тракторного завода и его поселков;

представлены концепции планировки города архитекторами Н. Милутиным, В. Семеновым, братьями Весниными, Э. Маем;

проводилась реконструкция заводов «Красный Октябрь», «Баррикады» и их поселков;

строились судостроительный завод, лесозаводы, Сталинградский ГРЭС;

ленинградскими архитекторами-художниками разработан генплан центра Сталинграда.

Третий период — 1932—1936 гг.:

из Саратова в Сталинград переведен краевой центр;

созданы проекты зданий центра Сталинграда ленинградских архитекторов-художников;

велась массовая надстройка зданий царь-цынской архитектуры;

происходила застройка центра города краевыми учреждениями и ведомственными жилыми зданиями;

начато строительство первой очереди набережной Волги.

Четвертый период — 1937—1941 гг.:

Гипрогором разрабатывается генеральный план Сталинграда;

шло строительство жилых и общественных зданий, соответствующих крупному краевому центру;

утверждена планировка Кировского района, пос. Рынок, проект улицы Ново-Советской;

продолжалась застройка набережной Волги, призванной стать архитектурной доминантой города;

представлены проекты 2-й очереди набережной, Музея обороны Царицына, Дворца молодежи.

В первые пятилетки Сталинград превратился в крупнейшую строительную площадку страны: на севере города был возведен Тракторный завод вместе с жилым районом, были реконструированы и расширены заводы «Красный Октябрь», «Баррикады». На юге сооружены судовой верфь, мощная теплоэлектростанция, лесопильные и деревообделочные заводы и много других предприятий. Росли жилые районы, создавалось инженерное оборудование, расширялось благоустройство.

В центральной части города строились современные на тот период 4—6-этажные здания. Были сооружены: Дом коммунальщиков на углу ул. Коммунистической и Гоголя, Дом просвещения на ул. Коммунистической, Дома специалистов на набережной, Дома грузчиков, консервщиков, водников в Ворошиловском районе, гостиницы «Интурист», «Большая Сталинградская», универсам на площади Павших Борцов, Дом книги на Октябрьской улице, жилые дома в районе бывшей площади им. 9 января и др.

Об авторах:

Олейников Петр Петрович —
кандидат технических наук,
доцент, декан архитектурного
факультета, ВолГАСУ

Oleinikov Petr Pertovich —
Candidate of Engineering Science,
Docent,
Dean of Architecture Department, VSUACE

Назарова Марина Петровна —
кандидат философских наук,
доцент, доцент кафедры философии,
социологии и психологии, ВолГАСУ

Nazarova Marina Petrovna —
Candidate of Philosophical Science,
Docent, Docent of Philosophy, Sociology
and Psychology Department, VSUACE

Общий характер новой архитектуры сооруженных домов — конструктивизм, сменившийся потом, в соответствии с общим развитием советской архитектуры, переходом к более богатой пластической трактовке фасадов с введением пилястр, поясов, карнизов, рустовки. Однако прорисовка архитектурных форм, композиция здания в целом были грубыми, без ясно осознанной архитектурной структуры, без увязки с окружающей средой [2]. «Штучное» проектирование и строительство были доминирующими в практике застройки Сталинграда.

Новую струю в архитектурный облик города внесли проектировщики ленинградского общества архитекторов-художников под руководством профессора А. Белогруда, которые разработали для центра Сталинграда 9 проектов совершенно новых зданий — не только по архитектуре, но и по уровню благоустройства и комфорта. По этим проектам учреждениями и организациями города строились 25 зданий, которые стали своеобразными примерами применения здесь типового проектирования.

Влияние ленинградской архитектурной школы отчетливо проявилось к концу 1930-х гг. Архитекторы А. Дроздов, Ю. Дюжецко, И. Ткаченко, И. Иващенко, М. Цубикова, В. Степанов, Н. Солофненко, А. Батура спроектировали и построили для Сталинграда здания, которые стали определять его архитектурный облик, — Дом летчиков, Дом консервщиков, Дом коммунальщиков, Дома специалистов, Центральный универмаг и др. [3].

Площадь Павших Борцов. Сталинград. Конец 1930-х гг.

Архитектура довоенного Сталинграда представляла собой наложение стилей многих десятилетий, начиная от деревянных, чаще одноэтажных жилых домов простых горожан и каменных купеческих 2-этажных зданий, жилых и административных, торговых и учебных, культовых, общественных и кончая построенными в конце 1930-х гг. 5-, 6-этажными «правительственными» жилыми домами и производственными зданиями заводов и фабрик. В городе было более 40 тыс. зданий. Конечно, большинство из них были деревянными (частный сектор), но их вытесняли здания кирпичные с достаточным уровнем благоустройства.

За очень короткое время, всего за 10 лет, Сталинград превратился в крупный центр с развитым городским хозяйством, благоустройством, тяжелой и легкой промышленностью. К концу 1930-х гг. архитекторы, инженеры и проектировщики вышли на новый уровень проектирования: был утвержден новый генеральный план города, разрабатывались проекты поселков индивидуального строительства, застройки кварталов, улиц, площадей, набережных. Серьезные изменения должны были произойти в проектировании транспортной системы.

Однако все перечеркнула начавшаяся Великая Отечественная война, одним из главных сражений которой стала Сталинградская битва 1942—1943 гг. Из этой битвы наш город вышел, овеянный всемирной славой своих защитников, но достигнуто это было тяжелой ценой, гибелью десятков тысяч солдат и офицеров, мирных жителей. Не все архитекторы пережили военную пору. Одним из них был Сергей Евгеньевич Волошинов, кстати, сын архитектора Е. Волошинова. По воспоминаниям жены довоенного архитектора Р. Ситчикова К. Ситчиковой, С. Волошинов погиб в Сталинграде под бомбежкой 27 сентября 1942 г. вместе с женой Ю. Олейниковой, которая ждала ребенка. Недавно обнаруженные документы свидетельствуют о том, что С. Волошинов был автором проекта жилого дома Облпотребсоюза — знаменитого дома Павлова, а также им были спроектированы в Кировском районе клуб Сталгрэса, 4-х этажная школа, жилой дом гидролизного завода и ряд других зданий.

Сталинград был разрушен до такой степени, что большинство бывших зданий по своим конструкционным свойствам характеризовались как «щебень». Лишь небольшой процент зданий города сохранился в Кировском районе, который не был занят захватчиками [4].

В большинстве своем архитектурный облик Сталинграда остался в прошлом. Его площади, скверы, улицы и бульвары, парки, набережные нашим современникам сейчас неизвестны. Возможно, прервалась некая связь, преемственность архитектурного облика Царицына — Сталинграда, а возрожденный город имеет уже свою архитектурную историю, и эта история позволяет нам гордиться архитекторами, инженерами, строителями — всеми, кто возродил разрушенный город-герой.

О степени ущерба, нанесенного городу Сталинградской битвой, свидетельствуют многие документы. Уже в 1943 г., перед началом работы над генеральным планом города, Академией архитектуры СССР были предприняты работы по определению существующего положения в городе и тех опорных моментов, на которые следует ориентироваться при составлении проекта планировки. Отмечено: «Исключительное впечатление оставлял Сталинград в первые месяцы после окончания разыгравшейся там битвы. Это была грандиозная по силе и масштабу картина разрушения. Целые районы, как Дзержинский (сейчас Тракторозаводской — *прим. авт.*), Краснооктябрьский и др., выгорели полностью, и на их территориях насчитывались только несколько единичных коробок зданий. Даже в Центральной части города (Ермановский район) не сохранилось ни одного квадратного метра жилой площади, ни одного здания. Весь административно-общественный и жилой фонд в Ермановском районе был приведен в полную негодность».

В 1945 г., перед началом проектных работ по центральной части города, Академией было предпринято капитальное обследование района в границах Совнаркомовская улица — улица КИМ — р. Волга — овраг Крутой. Этим обследованием на 11 августа 1945 г. охвачено 1439 объектов, в число которых вошли все коробки зданий, более или менее сохранившиеся развалины, а также все восстановленные, временно приспособленные и вновь отстроенные здания. В специальных ведомостях эти обследованные объекты разделялись на восстановленные и невосстановленные. Невосстановленные делились на 6 классов по степени сохранности, это бывшие капитальные сооружения, материалом стен которых был кирпич.

К первому классу по степени сохранности отнесены здания, имевшие до 90 % сохранности стен, 80 % сохранности междуэтажных перекрытий и 100 % сохранности лестниц. Развалины, имевшие сохранность стен менее 40 %, классифицировались вне классов сохранности как щебень и частично сохранившиеся фундаменты. Таким образом, в 1-й класс был включен всего 31 объект, во 2-й — 85, в 3-й — 128, в 4-й — 104 объекта (табл.).

Характеристика зданий Сталинграда по степени сохранности в 1945 г.

Класс здания по степени сохранности	Степень сохранности, %			Объекты шт.
	стен	перекрытий	лестниц	
1	90	80	100	31
2	80	40	80	85
3	70	20	60	128
4	60	0	40	104
5	50	0	20	1091
6	40	0	0	

Общее количество восстановленных и приспособленных коробок, а также временно построенных объектов по данным обследования составило около 300, причем ценность этого фонда являлась весьма незначительной и в будущем он в большинстве был предназначен под снос. И еще: здания только 1-го и 2-го класса подлежали безусловному учету при проектировании и считались опорными. А насчитывалось их всего 116, т. е. около 8 % от обследованных. Даже из этих 116 объектов исключению из опорных могли подлежать здания, при оставлении которых нарушались основные принципы генерального плана города. К ним относили сохранившиеся коробки зданий и фабрик, расположенных в пойме реки Царицы (бывшая паровая мельница, маслобойный завод и др.), а также все промпредприятия, которые, согласно постановлению правительства, подлежали безусловному выносу за пределы жилых районов. Здания 3 и 4 классов (232 коробки), не считались опорными, но те коробки, которые имели достаточную этажность и не противоречили генеральному плану, проектом намечались к восстановлению. Оставшиеся 5-й и 6-й классы, как отмечено в обследовании, восстановлению не подлежали, в силу чего и не учитывались проектом в качестве опорной застройки. Таким образом, из документов следует, что 348 коробок разрушенных зданий из 1439 обследованных в той или иной степени могли быть восстановлены, а это всего 24,2 % (реально же не более 10 %), остальные 75,8 % были полностью утрачены.

Известный американский писатель Д. Стейнбек, посетивший Сталинград после битвы, так описал характер разрушений в городе: «Мне и раньше приходилось видеть разрушенные города, но большинство из них было разбомблено. Это был совсем другой случай. В разбомбленном городе некоторые стены все-таки остаются целыми, а этот город был уничтожен не только авиацией, но и минометным и артиллерийским огнем. Сражение за него длилось месяцами..., стен здесь почти не осталось... Люди живут в подвалах домов, землянках».

Таким образом, перед архитекторами, инженерами, строителями Сталинграда стояли задачи скорейшего возрождения города с целью обеспечения жильем его жителей, проектирования нового генерального плана с учетом сохранившихся построек и реалий современной теории градостроительства.

Все, что можно было восстановить, было восстановлено. В центре это бывший Дом просвещенцев, а сейчас жилой дом на пересечении ул. Коммунистической и Володарского (Первомайской), жилой дом МВД на пересечении улиц Саратовской (Мира) и Киевской (Гагарина), дома по улице Гоголя, Островского, Волгодонской и многие другие. Известными архитекторами выполнены проекты восстановления Дома архитекторов (архитекторы Е. И. Левитан, Э. А. Богод), жилого дома на пересечении ул. Ломоносовской (Мира) и Ленина (архитектор Ф. М. Лысов). Фундаменты довоенных зданий послужили для возведения корпусов нынешней областной администрации (архитектор А. С. Кулев). Многие здания восстановлены в Ворошиловском районе: кинотеатр «Гвардеец», пожарная часть, жилые и общественные здания, Дом грузчиков, Дом консервщиков. В первую очередь также восстанавливались школьные здания: в центре — 7-я и 8-я школы, в Тракторозаводском районе школы им. Сталина, Горького, С. Орджоникидзе и др.

Однако уже в 1947 г. главный архитектор Сталинграда В. М. Симбирцев отмечал низкий строительный уровень и качество архитектуры восстановленных зданий, которые возводились на старых фундаментах (в основном бутовых), перенесших влияние бомбежек и обстрелов.

Полностью утрачены в центре города Дом коммунальников по ул. Коммунистической, здания обкома КПСС и облисполкома на ул. Первомайской (напротив театра), дом Красной армии (угол ул. Гоголя и площади Павших Борцов), гостиницы «Интурист», «Большая Сталинградская», здания Легпрома, Наркомпищепрома, Главпочтамт, Дом книги, общежитие облисполкома, школа летчиков и жилой дом летчиков — все на площади Павших Борцов.

Из известных архитектурных построек царицынского периода утрачен дом Воронина (Дворец пионеров), железнодорожный вокзал, купеческий дом на ул. Мариинской (одно из немногих зданий, построенных в стиле модерн), дома по ул. Московской, К. Либкнехта, Пушкинской, Ломоносовской, Коммунистической, Республиканской.

На 2 февраля 1943 г. в городе осталось 398 тыс. м² жилой площади, что соответствовало 11,4 % от всей довоенной площади, причем 278,6 тыс. м² (или 70 %) приходилось на Кировский район, который не был оккупирован и меньше всего пострадал во время войны. Материальный ущерб, причиненный всему городскому хозяйству (без индивидуальных жилых домов), составил громадную сумму — 8908,8 млн р.

Город отстраивался благодаря титаническим усилиям всей страны, сюда шли эшелоны с лесом, кирпичом, цементом и другими строительными материалами, присылались бригады строителей от каждого города страны. Именно поэтому городской жилой фонд к 1 января 1951 г. увеличился в 2,5 раза по сравнению с 1945 г., составив почти 92 % от довоенного уровня. А уже на 1 января 1953 г. в Сталинграде имелось 2042,8 тыс. м² жилья — на 11,8 % больше, чем до войны, хотя численность населения на 5,4 % уступала предвоенной.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Трушин И. А., Першин Н. И.* Первенец советского тракторостроения. Волгоград, 1980. 368 с.
2. *Дворин А. М.* Архитектурное лицо Сталинграда // Сталинградская правда. 15 апреля 1935 г.
3. РГАЛИ. Ф. 674. Оп. 6. № 59, 61, 74, 172, 184, 196.
4. *Олейников П., Орлов Г., Туров В.* Поклонимся великим тем годам // Городские вести. 31 января 2009 г. С. 25.
1. *Trushin I. A., Pershin N. I.* Pervenets sovetskogo traktorostroeniya. Volgograd, 1980. 368 s.
2. *Dvorin A. M.* Arkhitekturnoe litso Stalingrada // Stalingradskaya pravda. 15 aprelya 1935 g.
3. RGALI. F. 674. Op. 6. № 59, 61, 74, 172, 184, 196.
4. *Oleynikov P., Orlov G., Turov V.* Pокlonimsya velikim tem godam // Gorodskie vesti. 31 yanvarya 2009 g. S. 25.

© Назарова М. П., Олейников П. П., 2013

Поступила в редакцию
в январе 2013 г.

УДК 130.2:72

Д. Ю. Сивков

**ИММУНОЛОГИЧЕСКАЯ
КОНЦЕПЦИЯ АРХИТЕКТУРЫ
И ЕЕ ВЛИЯНИЕ
НА ФОРМИРОВАНИЕ
ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА**

Показано, каким образом архитектурное воображение связывает иммунологию и архитектуру в социальном пространстве города.

Ключевые слова:

архитектура,
иммунология,
Слотердаик,
сфера,
иммунитет,
социальное пространство города.

D. Yu. Sivkov

**IMMUNOLOGICAL CONCEPTION
OF ARCHITECTURE
AND ITS INFLUENCE ON FORMATION
OF URBAN SPACE**

The paper shows how the architectural imagination connects immunology and architecture in the social urban space.

Key words:

architecture,
immunology,
Sloterdayk,
sphere,
immunity,
social urban space.

Об авторе:

Сивков Денис Юрьевич —
кандидат философских наук,
доцент кафедры философии и культурологии,
Воронежский филиал
Российской академии народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ (ВФ РАНХиГС),
d.y.sivkov@gmail.com

Sivkov Denis Yurevich —
Candidate of Philosophical Science,
Docent of Philosophy and Culturology
Department, Voronezh affiliate
of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration

Архитектурное воображение и конструкция форм в социальном пространстве города — продукт деятельности не только профессионалов — архитекторов и различных экспертов; этот процесс осуществляется в различных релевантных группах. В этом смысле дискурсивная чистота архитектуры является неочевидной. Границы между архитектурой и другими областями знания и практиками оказываются подвижными и неопределенными.

Объяснение и понимание архитектурных форм возможно, например, при помещении их в некоторый альтернативный социальный контекст, при использовании набора метафор или ключевой призмы рассмотрения. Так, существует некоторая зона обмена смыслами между биологией и архитектурой. С одной стороны, само тело или организм может выступать метафорой здания или городского пространства: дом и город как тело. Например, уже у Витрувия есть размышления о соразмерности между пропорциями тела и пропорциями храма: «Если природа сложила человеческое тело так, что его члены по своим пропорциям соответствуют внешнему его очертанию, то древние были, очевидно, вполне правы, установив, что при постройках зданий отдельные их члены должны находиться в точной соразмерности с общим видом всей фигуры» [1—3]. Идею уподобления Витрувия позже развивает канадский медиатеоретик М. Маклюэн, считая жилище и город продолжением тела человека, «расширением физических органов во внешний мир» [4].

В этом же контексте после открытий Уильяма Гарвея города и улицы стали рассматриваться через оптику соединения вен и артерий. Системы кровообращения и дыхания метафорически вплетаются в архитектуру [5]. Кроме того, как показал Филипп Стедман в работе о «биологической аналогии» в архитектуре и дизайне, многие архитектурные конструкции и детали декора были заимствованы в природе, принципы классификации в архитектуру перекочевали из биологии, скелет человека стал прообразом для многих инженерных решений, экологическая парадигма определила законы встраивания сооружений в ландшафт (функции конструкций имеют адаптивную природу), дарвинская теория проб и ошибок применялась в понимании развития технологии и т. п. [6].

С другой стороны, при описании телесных и биологических процессов широко используются архитектурные метафоры: тело понимается как дом или крепость, а иногда тело как город. У Платона, например, тело — это темница для души, а у апостола Павла наши тела — это храм Духа Святого. В этом смысле преуспевает в использовании архитектурных и фортификационных образов иммунология. В книге А. Ройта, Дж. Бростоффа и Д. Мейла по иммунологии, например, читаем, что интерфероны «образуются на ранней стадии инфекции и создают *первую линию защиты* против большинства вирусов» [7, курсив мой — Д. С.]. Тело при этом в иммунологии представляется как замок, как фабрика или как дом, а клетки и молекулы, соответственно, как армия, как слаженно работающий коллектив или как жильцы, населяющие дом [8; 9].

Следует обратить внимание на то, что сегодня иммунология претендует на то, чтобы дать философии некоторую ключевую метафору, которая позволит описать некий актуальный и универсальный опыт в сетевом обществе, в условиях глобализации и постмодерна, в позднейшем капитализме и квантовой культуре. Иммунология становится эпистемологическим средством в ситуации тотального заражения, невидимых врагов и радикальной незащищенности людей [10]. В этом смысле можно даже с некоторой осторожностью говорить о возникновении новой дисциплины — философской иммунологии, которая занимается исследованием поля обмена между собственно иммунологией, философией, литературой и повседневными представлениями.

Так, например, ряд авторов обращает внимание на взаимодействие биомедицинской иммунологии и философии. Речь идет о том, что в научной дисциплине производятся некоторые идеи и схемы универсального характера, которые затем используются в философии [11—13]. Помимо философии иммунологии, есть исследования, согласно которым иммунологические идеи обнаруживаются в метафизике. Иммунологическая метафора используется ретроактивно и распространяется на всю историю человеческой культуры; в учениях тех или иных философов выявляются иммунологические идеи [14; 15]. Также в рамках философской иммунологии представлен анализ некоторого общего иммунологического чтива, некоторой зоны обмена, в которой пересекаются и смешиваются научные, философские, литературные и повседневные представления [16; 17].

Можно также выявить ряд исследований, которые предполагают экспликацию некоторой ключевой биологической метафоры, которая затем применяется для описания общества, экономики, политики и т. д. Например, французский философ Мишель Серр работает подобным образом с метафорой паразита [18]. Причем и «паразит», и «иммунитет» оказываются понятиями, которые имеют социальное происхождение, то есть первоначально используются для обозначения некоторых отношений между людьми. Иммунитет происходит от латинского слова *immunis*, что означает свободный от обязательств, и противопоставляется по смыслу *communis*. *Parasitos* у греков означал того, кто обедает за чужим столом, нахлебника. Затем эти термины заимствуются наукой для обозначения биологических процессов, а после этого вновь распространяются на общество. Подобная экспликация биологической метафоры указывает на то, что границы между научным знанием и другими дискурсами являются подвижными и проблематичными.

Итак, становится ясно, что у философии, иммунологии и архитектуры может быть общее поле взаимодействия. В этом поле, по-видимому, находит свое выражение некоторое экзистенциальное стремление к укрытию от заражений и вирусов всех видов. Общие принципы философской иммунологии несложно обнаружить у «последнего метафизика» Мартина Хайдеггера. Так, немецкий философ в вводной лекции к курсу «Основные понятия метафизики» приводит оригинальное определение философии как ностальгии, автором которого является Новалис: «Философия есть собственно ностальгия, тяга повсюду быть дома» [19, с. 330]. Немецкий философ, по-видимому, хочет сказать, что философия есть такое понимание реальности, при котором каждое место во Вселенной становится тождественным любому другому месту благодаря настрою рассматривать Вселенную как целостность, как дом — известное и обитаемое пространство. То есть в высказывании Новалиса о метафизике как ностальгии, в «тяге повсюду быть дома» выражается экзистенциальная и метафизическая потребность в защите, в создании иммунитета.

Фраза другого романтика Гельдерлина:

Но где опасность, там вырастает

И спасительное [Цит. по: 19, с. 234]

часто используемая Хайдеггером, указывает, с одной стороны, на экзистенциальную необходимость экспликации невидимого, опасного и вирулентного, а с другой стороны, на настойчивый постоянный поиск средств защиты. Сама опасность при этом, как уверяет Хайдеггер, гомеопатически содержит спасительное средство в себе самой [19, с. 255].

В свете сказанного немецкий философ Питер Слотердайк пытается найти корреляции между философией и иммунологией, а также построить на этой базе оригинальную теорию архитектуры. Сферология немецкого мыслителя — во многом анализ социального пространства города. Восхождение философской звезды Слотердайка началось в 1983 г., когда вышел скандальный труд «Критика цинического разума» [20]. «Второе пришествие» [21] философа случилось на рубеже веков и было связано с выходом в свет его монументального трехтомного труда под названием «Сферы». В этом *opus magnum* представлена оригинальная теория сфер — символических оболочек, которые организуют жизнь людей.

В истории культуры выявляются три разновидности сфер: «пузыри» (Blasen), «шары-глобусы» (Globen) и «пена» (Schäume). Каждому из сферотипов соответствует своя дисциплина и посвящен отдельный том: «Микросферология», «Макросферология», «Плюральная сферология» [22—24]. Образ пузыря используется для описания различного рода интимных, по сути, амедиальных межличностных отношений; слово «пузырь» как раз подчеркивает хрупкость этих отношений. Метафора «шара-глобуса» выбирается Слотердайком для описания глобальных проектов построения всеобщих, в пределе бесконечных, иммунитетов для совместного существования больших групп людей. Если «глобусы» иллюстрируют принцип единства, то «пена» — состояние множественности, нестабильности и даже неуловимости. «Пена» выражает состояние случайной, подвижной и децентрированной социальности. «Глобусы» и «пены» образуются присоединением (или отсоединением) и захватом пузырей.

Итак, свой проект Слотердайк называет сферологией, или теорией сфер, при этом в качестве некоторой методологии, задающей призму анализа, является так называемая «всеобщая иммунология» (*Allgemeine Immunologie*) или «всеобщая теория иммунных систем». Немецкий философ связывает актуальность иммунологии с так называемым «открытием окружающего мира», которое произошло во время Первой мировой войны. Использование среды для опосредованного уничтожения врага привело к трагическому осознанию факта, что теперь вокруг человека есть некий окружающий мир, который может нести смерть. Химическое, бактериологическое, ядерное оружие и терроризм направлены на то, чтобы лишить людей условий существования или жизненных предпосылок. Атмосферная война актуализировала глобальный ужас: «весь мир опасен», следовательно, под подозрение попадает все незначительное и неявное. Теперь исследование — это пристальное внимание ко всему невидимому и незаметному, а также к средствам защиты от окружающего мира. В этом смысле XX в., по Слотердайку, — это век открытия иммунных систем, но также век открытия иммунодефицита.

Немецкий философ отмечает, что понятие иммунитета становится своеобразным паролем эпохи. Теперь содержание этого понятия выходит за пределы биохимии и распространяется в ментальном и социальном полях. «Главная тема столетия вырастает из катастрофы традиционной культуры и ее холистической морали: *Making the immune systems explicit*. Выяснилось, что конструирование иммунитета представляет собой намного более всеобъемлющий и противоречивый процесс, чем все, что может быть описано с помощью одних лишь медицинско-биохимических категорий. В силу его комплексной природы для его реального развертывания необходимо привнесение политических, военных, юридических, технико-страховых и психосемантических, а следовательно, и религиозных компонентов» [24, с. 193—194].

Понятия «сфера» и «иммунная система» отождествляются немецким философом. Под сферой понимается некоторая символическая оболочка, одушевленная и наполненная смыслом («климатом» или «атмосферой»), которая задает людям их положение в мире и в некотором смысле защищает их от мира. Немецкий философ предлагает следующее антропологическое определение: люди — это существа, которые конструируют сферы [23, с. 204]. Сфера является некоторым универсальным символом человеческого существования, к которому, так или иначе, редуцируются остальные геометрические архетипы. Согласно Слотердайку, жить, строить сферы и мыслить — это приблизительно одно и то же [22, с. 8]. Создание сфер также означает создание общих иммунных пространств солидарности.

Сферология Слотердайка — это концепция описания пространственного существования человека, в пределе некоторого метафизического места жительства, которое выражается различными архитектурными решениями. Слотердайк предлагает переосмыслить хайдеггеровский проект «бытие и время» в контексте «бытие и пространство». В экзистенциальной аналитике пространства главная характеристика человека — пребывание в чем-то, что Хайдеггер называл «бытие-в-мире». При этом у Слотердайка «бытие-в» всегда есть «бытие-с-другим»; идеи Хайдеггера получают в сферологии социальное измерение. «Настоящий проект “Сферы”, — пишет Слотердайк, — можно понимать и как попытку вызволить из-под спуда — по крайней мере в его

существенных аспектах — субтематически присутствующий в ранних работах Хайдеггера проект “Бытие и пространство”. Мы полагаем, что если от интереса Хайдеггера к укоренению и можно избавиться, то лишь посредством теории пар, гениев, дополненной экзистенции» [22, с. 351].

Итак, том «Пузыри» посвящен различным способам образования первичных оболочек, символическим описаниям первичных интимных связей. Метафорически человек представляется в виде сосуда, который может наполняться только извне. Тогда быть субъектом, согласно Слотердайку, — это всегда быть связанным с кем-то Другим. В этом смысле первичная сфера представляет своего рода «Мы-иммунитет». То, что Слотердайк предлагает называть микросферой, парадоксальным образом возникает на пересечении кругозоров и имеет, как минимум, два центра.

В этом смысле первый том «Сфер» представляет собой последовательную критику автономии субъекта. Люди оказываются связанными на символическом уровне общего кровообращения, в пространстве пересечения взглядов, телепатическом и гипнотическом единстве, в психоакустическом резонансе. Ключевая идея сферической антропологии Слотердайка в том, что человек в принципе не может быть один, так как всегда образует пару. Пробразом биполярной микросферы выступают отношения матери и ребенка, которые до рождения последнего связаны общим дыханием, кровообращением, а после рождения «разрыв пуповины» компенсируется отношениями нежного взгляда, слова и касания. Кроме того, после рождения человек, по мнению Слотердайка, всегда связан с некоторым символическим двойником: «Бытие уже потому обладает сферической и медиальной структурой, что субъект всегда находится в поле внимания и защиты некоей полубожественной силы. Каждый индивид пребывает в определенном духовном окружении независимо от того, как понимается его дух-хранитель: как персонифицированный спутник, пребывающий в некоем незримом *vis-à-vis*, или как окружающая человека аура, “божественная среда”, перемещающаяся вместе с субъектом» [22, с. 439].

Людям после рождения свойственен не только поиск изначального укрытия, но также и некоторый экстатический порыв, своего рода иммунная трансценденция. Обнаружение границы изнутри автоматически инициирует интерес к преодолению: что там снаружи? Соответственно переход от микросфер к макросферам осуществляется как борьба за иммунитет: взаимное поглощение пузырей. Здесь важным является влияние на сферологию учения о воле к власти Фридриха Ницше, которого Слотердайк называет первым философом с иммунологическим стилем мышления, основателем всеобщей иммунологии: «Именно Ницше осуществил иммунологический поворот мышления и был первым, кто истолковал культуру в целом как конкурентную борьбу между стратегиями уменьшения и стратегией увеличения масштабов заражения» [23, с. 560]. Действительно, биологическая метафизика Ницше строится на принципе «Жизнь есть комбинация нападений и защит». В сферической иммунологии речь идет о серии взаимных захватов и влияниях, а также о возможностях всего этого избежать. Кроме того, Слотердайк на страницах «Сфер» постоянно цитирует прозрения Ницше в отношении понимания истории человечества как истории иммунных систем.

Иммунитет, по Слотердайку, восстанавливается и укрепляется посредством приручения стрессора. В смысле сказанного иммунитет — это не только пассивная защита, но и активное нападение. Например, утрата близкого человека, биполярного Другого, с одной стороны, вызывает сильнейший стресс, так как означает брешь в микросфере. С другой стороны, смерть близких людей становится условием укрепления микросферы и создания макросферы.

В этом смысле расширение сферы происходит за счет одновременного отдаления и включения мертвых. Как пишет Слотердаик, «память о мертвых неизбежно высвобождает сферообразующие процессы, поскольку разорванную исчезновением важного Другого психическую сферу — интимный пузырь сосуществования — можно восстановить лишь с помощью своего рода пространствообразующей иммунной реакции» [23, с. 164].

Также увеличение пространства микросферы происходит через исключение «зла» в процессе жертвоприношения из сферы и создание дистанции; сфера прибавляется за счет буфера — «безопасного расстояния между иммунным пространством группы и ее изгнанными губителями» [23, с. 181]. Последующая история людей — это история построения различных гиперсфер, символических и политических образований, в которых могли бы уживаться людские множества. В этом смысле архитектура выполняет иммунную функцию, здания и города — символическая защита — обеспечивают солидарность. Ключевой тезис иммунологической теории архитектуры Слотердайка заключается в следующем: «В архитектуре нет ничего, что прежде отсутствовало бы в иммунных идеях» [23, с. 465]. Кроме того, продолжение родового опыта защищенности и связи с матерью можно обнаружить в архитектуре: «Дома кроме всего прочего всегда представляют собой метаморфозы материнского пространства» [23, с. 445].

Рождение архитектуры происходит на Древнем Востоке тогда, когда следует обеспечить иммунную защиту больших групп людей. Причем Слотердаик подчеркивает, что речь идет не только и не столько о физической защите, сколько о ментальном эффекте, производимом древневосточными сооружениями. Как известно, мегаломания — главный признак первой городской архитектуры. Размеры зданий и сооружений в древневосточных цивилизациях в разы превышают возможности эффективного управления ими. Защита города от опасного внешнего осуществляется путем его поглощения или путем попытки миметического уподобления внешнему. «Впервые реальное большое-внешнее инфицирует интимный пузырь, внутри которого людям до сих пор удавалось проводить всю свою жизнь, и вызывает в нем иммунную реакцию, в ходе которой прежнее внешнее пространство аннексируется внутренним» [23, с. 300].

Обратное архитектурное движение происходит в древнегреческой метафизике как проекция дома или города на мир. «Выход за городские стены», или космополитическая геометризация бытия, означает расширение известного безопасного пространства дома до размеров мира¹.

¹ Речь здесь идет об иммунном и паразитическом желании «повсюду быть дома», которое эксплицировал Хайдеггер. Культурные процессы превращения известного мира в неизвестный детально описывают Макс Хоркхаймер и Теодор Адорно в «Диалектике Просвещения...» [25].

Продуктом воображения древнегреческих философов является идеальный шар, вмещающий в себя все, что только можно помыслить. С одной стороны, гипертсфера есть предел всякого рассуждения о тотальности сущего. В то же время это идеальный проект или модель, которая будет реализована в так называемой наземной глобализации — открытием Нового Света, колонизацией и связью всех точек Земли. В этом смысле метафизическая глобализация «на пергаменте» предшествует глобализации географических открытий, денег и телекоммуникаций. Метафизическая мечта оказывается мечтой о сфере сфер, о «последнем иммунитете», вмещающем все, защищающем всех [23, с. 112]. Вообще говоря, глобус как наглядная модель мира используется для обозначения иммунных границ реальности. При этом такая метафизическая модель находит наглядное архитектурное подтверждение, ибо «в великой технике нет ничего, что прежде отсутствовало бы в метафизике» [23, с. 436]. В Древнем Риме строительство Пантеона — храма всех богов — интерпретируется Слотердайком в архитектурно-иммунологической парадигме как «римское решение греческих задач»: «Римское архитектурное искусство стало практическим воплощением пафоса греческой философии — представления космоса как целого под знаком его сходства с домом... Если греческий гений — как одобрительно заметил Гегель — сумел одомашнить космос, то римским строителям эпохи империи удалось космизировать дом» [23, с. 448].

С одной стороны, в Пантеоне происходит имперское включение всех чужеродных богов (стрессоров) в единое и свое пространство. С другой стороны, создается наглядное пособие, которое позволяет увидеть иммунитет снаружи (подойти к храму) и изнутри (войти в храм). При этом полукруглый купол Пантеона понимается в иммунном смысле как небесная твердь, защищающая людей от ужасающего Внешнего. Слотердаик исследует иммунологическую историю купола и приходит к выводу, что на мусульманском и византийском Востоке купол перестает выполнять защитную функцию «крыши мира». Теперь купол «превращается прежде всего в искусство создания ускользающих чудес и воспроизводства непостижимости Бога...» [23, с. 456].

Здесь стоит отметить влияние морфологической концепции Освальда Шпенглера на понимание архитектуры в сферологии Слотердайка. В первую очередь, это анализ прасимвола пещеры в арабо-византийской культуре [26]. Стекланные купола пассажей Новейшего времени реализуют идею иммунной прозрачности, «всемирного товарооборота и проникновения денежных потоков во все жизненные связи» [23, с. 460]. Вообще говоря, постмодернистская идея крыши теряет классический иммунный смысл.

Таким образом, история сфер и, соответственно, история архитектуры, по Слотердаику, — это поиск надежного иммунитета, который в итоге оборачивается иммунодефицитом². В Средние века и Новое время в теологической метафизикой осуществляется попытка построить бесконечный сферический иммунитет. Божественный гипериммунитет представляет собой такую сферу, в которой центр находится везде, а окружность — нигде. Подобное понимание реальности, например у Джордано Бруно и Николая Кузанского, следствием имеет утрату различения между центром и периферией. «С мор-

² В этой исторической модели также можно проследить влияние «Диалектики Просвещения...» Т. В. Адорно и М. Хоркхаймера.

фологической и иммунологической точки зрения можно утверждать, что в метафизическую эпоху важнейшей акцией Бога была оборона границы от Ничто, внешнего и бесконечного... Бог был способен оставаться «в силе» до тех пор, пока защитникам его интересов удавалось истолковывать его как гигантский, хотя и конечный, сохраняющий свою собственную форму шар. Как только теология начала всерьез работать с опустошающим атрибутом *бесконечности* (а с точки зрения истории метафизики это процесс, эндогенно инициирующий наступление Нового времени), она отняла у Бога его сферопойетическую функцию, ибо в бесконечном шаре исчезает метафизическое бризантное и иммунологически решающее различие между внутренним и внешним» [23, с. 126]³.

Подобное стремление к бесконечности в метафизической и наземной глобализации приводит к расстройству иммунной системы и, как следствие, к распаду гиперсферы. Понимание реальности в контексте «центр везде, а окружность нигде», открытие и соединение всех частей Земли, как считает Слотердайк, свидетельствует об иммунологической катастрофе Нового времени: «Шар мертв». Смысл этой катастрофы очень хорошо выразил Блез Паскаль: «Вечное молчание бесконечных пространств повергает меня в ужас».

После крушения гиперсфер на арену сферической иммунологии выходят пенные образования. Немецкий философ пишет: «Единый шар взорвался, что ж — пена живет» [24, с. 21]. Пены описывают постиммунологическую ситуацию, в который каждый пузырь (диада) вынужден проявлять недюжинную аутоиммунную заботу о себе, чтобы выжить в агрессивной среде, рискуя присоединиться к множеству себе подобных. Экзистенциальная задача, стоящая теперь перед людьми после того, как в воздушной войне был открыт окружающий мир, — создание климатических теплиц, замкнутых на себе.

Вынужденное изолированное существование немецкий философ предлагает описывать с помощью метафоры «остров». «Острова — это модели мира внутри самого мира» [24, с. 311]. Сущность человеческого, таким образом, в эпоху иммунодефицита определяется островным существованием. В качестве предельной модели островного существования немецкий философ рассматривает «абсолютный остров» — космический корабль, обитающий в вакууме, и «атмосферный остров» — проект «Биосфера-2» — попытка построения тепличных жизненных миров в нежилой аризонской пустыне. Эти проекты представляют собой некоторый предельный опыт постсовременной архитектуры автономных и мобильных образований. Речь идет о том, что человечество в таких вот лабораториях, или «климатических теплицах», отрабатывает саму иммунную возможность выживания в экстремальных условиях, в то же время проверяет прочность тех или иных архитектурных решений, выступая пределом реализации зданий и сооружений.

Собственно само возникновение человечества, антропогенез, по Слотердайку, есть приобретение коизолированного существования через иммунную дистанцию от природы. Несовершенство биологических иммунных механизмов привело к психоиммунной компенсации, обычно называемой словом «культура». Сам иммунный принцип островного существования предпола-

³ Стремление к бесконечности, характерное для западной культуры вообще и для архитектуры в частности, было хорошо описано О. Шпенглером в «Закате Европы».

ет сопротивление среде, или выделение из среды, или иммунное отделение от среды. Такое «выделение из среды», по сути, означает создание архитектурных форм. Причем «первичные антропические парники поначалу не имели физических стен и крыш, а, если так можно выразиться, обладали лишь стенами из дистанции и крышами из солидарности» [24, с. 364].

Постсовременная иммунная архитектура по сути своей является номадической. Номадизм определяется, во-первых, глобальной бездомностью после утраты гипериммунитета, во-вторых, гибкостью и специфичностью психо- и социоиммунных реакций. Современное жилище как пенное образование является временным местом дислокации. Слотердаик использует идею немецкого медиатеоретика Вилема Флюссера: «Дома суть залы ожидания на станциях». Если традиционное жилище — постоянное место жительства, даже если субъект — это номад, то постсовременная ситуация предлагает поиск временных укрытий. Человек, будучи мобильным субъектом, относится к месту проживания как к временному, ненадежному укрытию.

Тем не менее, даже такое временное жилье призвано выполнять иммунную функцию. Жилище понимается как «пространственная иммунная система». Если раньше архитектура выполняла иммунную функцию солидарности, то теперь пенные архитектурные формы основываются на разобщенности и индивидуализме [24, с. 544—545]. Как отмечает Слотердаик, «современное жилище — это место, доступ к которому незванным гостям почти всегда заказан. *Toxic people*, а если возможно, то и плохие новости должны оставаться снаружи... Оно делает очевидным, что живые организмы не могут существовать, не заботясь о замкнутости в себе самих... Оно стало материальным выражением того факта, что человеческой открытости всегда соответствует дополняющий ее разрыв с миром» [24, с. 549].

Архитектурным выражением сингулярного иммунитета Слотердаик считает такой феномен, как апартаменты. Автор «Сфер» пишет: «Мы определяем апартаменты как атомарную или элементарную эгосферическую форму — а следовательно, как целлюлярный мировой пузырь, из которого путем массового воспроизводства возникает индивидуалистическая пена» [24, с. 579].

Метафора пены описывает не только изоляцию ячеек, но и нестабильное и многоуровневое присоединение их друг к другу; то есть в третьем томе речь идет о коизоляции. При этом никакое подключение к другим, никакое соединение ячеек в пену невозможно без некоторой первичной, или родовой, биполярной связи. «Если люди способны существовать в “обществе”, то лишь потому, что они объединились и вступили в отношение друг с другом в каком-то другом месте... Чтобы типично человеческим образом быть в обществе, необходимо заранее обладать некоей способностью к совместному бытию» [24, с. 305]. На примере пенного жилища Слотердаик демонстрирует медиаиммунную гибкость субъекта в подключении-отключении к миру. Например, телефон, с одной стороны, отодвигает индивидуальные сферы на дистанцию, но, в то же время, остается каналом для психоинфекций [24, с. 605].

В контексте коизоляции Слотердаик рассматривает архитектурные решения случайных собраний несвязанных индивидов, которые немецкий философ называет коллекторами, в которых «коллективы должны ставить перед собой задачу создания таких пространственных условий, которые, с одной стороны, поддерживали бы разъединение индивидов, а, с другой стороны, —

их объединение в крупные кооперативные или контемплативные ансамбли». Строительство разнообразных коллекторов начинается во времена Французской революции для публичных собраний. Современным примером коллектора Слотердаjk считает стадион, а также специальные здания для проведения различных съездов, собраний и конференций глобального масштаба. Таким образом, Foam City («пенный город») — это сочетание апартаментов и коллекторов, а также различных сетей и телематических узлов. Городская макропена, по Слотердаjку, — это «своего рода метаколлектор, собирающий места собрания и не-собрания» [24, с. 666].

Итак, место обитания человека в эпоху пены представляет собой жилую машину, мобильную и оторванную от окружающей среды. Архитектура, по словам Эрнста Блоха, «всегда готова к отъезду». Слотердаjk показывает, что в утопии постсовременной архитектуры происходит отрыв от фундамента, наблюдается номадический и левитационный характер форм. Утопическим примером такого архитектурного решения является библиотека-дирижабль советского архитектора Э. Лисицкого. Кроме того, речь идет о том, что в «пенном городе» внешний облик и внутренние конструкции могут меняться достаточно быстро. Внутренне пространство апартаментов определяется непрерывным дизайном и комбинаторикой вещей в режиме выставки.

Мобильность повышает адаптационный потенциал гибкого иммунитета. Иммуноархитектура, о которой пишет Слотердаjk, хорошо вписывается в общий контекст эпохи непостоянства. Американский антрополог Эмили Мартин на обширном этнографическом материале показывает, что понятие гибкости (flexibility) становится ключевым для понимания сложных систем вообще и иммунитета в частности [9, с. 143—159]. Социологи Люк Болтански и Эв Кьяпелло описывают «новый дух капитализма», которому присущи отказ от иерархии, непрерывные изменения, гибкость, инновации, незаметные сетевые субъекты, самоконтроль, дифференциация, диверсификация и т. п. [27].

Гибкость в архитектуре и иммунологии выражает общую тенденцию стремления сфер к левитации и облегчению жизни: каждый пытается решить иммунную задачу обеспечения себе максимального комфорта, быть независимым от тяжести и давления мира. «Оснащенные ограниченным набором облегчающих техник, люди самых различных культур стоят перед задачей как можно дальше уйти от тяжести мира — и нести на своих плечах то, что осталось» [24, с. 754]. Немецкий философ в своей сферологии настроен консервативно и пессимистично. В целом история человечества рассматривается им как история обретения и утраты иммунитета, что нашло свое отражение в развитии архитектуры. Причина кризиса постсовременности, как считает П. Слотердаjk, кроется, в том числе, в иммунном эскапизме и в итоге в неспособности субъекта защищаться от мира.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Витрувий*. Десять книг об архитектуре. М. : Архитектура-С, 2006.
2. Body and Building: Essays on the Changing Relation of Body and Architecture / ed. by G. Dodds and R. Tavernor. Cambridge, London : The MIT Press, 2002.

3. *McEwen I. K. Vitruvius. Writing the Body of Architecture.* Cambridge, London : The MIT Press, 2003.
4. *Маклюэн Г. М. Понимание Медиа. Внешние расширения человека.* М. ; Жуковский : КАНОН-пресс-Ц ; Кучково поле, 2003. С. 139.
5. *Sennet R. Flesh and Stone. The Body and the City in Western Civilization.* New York ; London : Norton, 1994.
6. *Steadman Ph. The Evolution of Designs. Biological Analogy in Architecture and the applied Arts.* Revised Edition. N. Y. ; London : Routledge, 2008.
7. *Роуи А., Бростофф Дж., Мейл Д. Р. Иммунология.* М. : Мир, 2000. С. 7—8.
8. *Haraway D. The Biopolitics of Postmodern Bodies: Constitutions of Self in Immune System Discourse // Haraway D. Simians, Cyborgs, and Women. The Reinvention of Nature.* N. Y. : Routledge, 1991. P. 203—230.
9. *Martin E. Flexible Bodies: The Role of Immunity in American Culture From the Days of Polio to the Age of AIDS.* Boston : Beacon Press, 1994.
10. *Featherstone M. The State of the Network. Radical Anxiety, Real Paranoia and Quantum Culture // Journal for Cultural Research.* Vol. 12. № 2. April 2008. P. 181—203.
11. *Tauber A. The Immune Self. Theory or Metaphor?* Cambridge : Cambridge University Press, 1994.
12. *Ulvestad E. Defending Life. The Nature of Host-Parasite Relations.* Dordrecht : Springer, 2007.
13. *Varela F. On the Conceptual Skeleton of Current Cognitive Science // Beobachter. Konvergenz der Erkenntnistheorien?* Muenchen : Wilhelm Fink Verlag, 1990. S. 13—22.
14. *Caspar Ph. L'individuation des etres. Aristotle, Leibniz et l'immunologie contemporaine.* Paris : Editions Lethielleux, 1985.
15. *Espósito R. Immunitas. The Protection and negation of Life.* Cambridge : Polity, 2011.
16. *Cohen E. Metaphorical Immunity. A Case of Biomedical Fiction // Literature and Medicine.* Vol. 22. Number 2, Fall 2003. P. 140—163.
17. *Napier D. The Age of Immunology. Conceiving a Future of an Alienating World.* Chicago ; London : The University of Chicago Press, 2003.
18. *Serres M. The Parasite.* Minneapolis ; London : University of Minnesota Press, 2007.
19. *Хайдеггер М. Время и бытие.* М. : Республика, 1993.
20. *Слотердайк П. Критика цинического разума.* Екатеринбург : Изд-во Уральского ун-та, 2001.
21. *Elden S., Mendieta E. Being-with as Making Worlds. The Second Coming' of Peter Sloterdijk // Environment and Planning D: Society and Space.* 2009. Vol. 27. P. 1—11.
22. *Слотердайк П. Сферы. Микросферология. Т. I. Пузыри.* СПб. : Наука, 2005.
23. *Слотердайк П. Сферы. Макросферология. Т. II. Глобусы.* СПб. : Наука, 2007.
24. *Слотердайк П. Сферы. Плюральная сферология. Т. III. Пена.* СПб. : Наука, 2010.
25. *Хоркхаймер М., Адорно Т. Диалектика Просвещения: философские фрагменты.* М. ; СПб. : Медиум, Ювента, 1997.
26. *Шпенглер О. Закат Европы : в 2. т. Т. 2.* М. : Айрис-Пресс, 2003.
27. *Болтански Л., Кьяпелло Э. Новый дух капитализма // Логос.* 2011. № 1(80). С. 76—102.

1. *Vitruvius. Desyat' knig ob arkhitekture.* М. : Arkhitektura-S, 2006.
2. *Body and Building: Essays on the Changing Relation of Body and Architecture / ed. by G. Dodds and R. Tavernor.* Cambridge, London : The MIT Press, 2002.
3. *McEwen I. K. Vitruvius. Writing the Body of Architecture.* Cambridge, London : The MIT Press, 2003.

4. *Maklyuen G. M.* Ponimanie Media. Vneshnie rasshireniya cheloveka. M. ; Zhukovskiy : KANON-press-Ts ; Kuchkovo pole, 2003. S. 139.
5. *Sennet R.* Flesh and Stone. The Body and the City in Western Civilization. New York ; London : Norton, 1994.
6. *Steadman Ph.* The Evolution of Designs. Biological Analogy in Architecture and the applied Arts. Revised Edition. N. Y. ; London : Routledge, 2008.
7. *Royt A., Brostoff Dzh., Meyl D. R.* Immunologiya. M. : Mir, 2000. S. 7—8.
8. *Haraway D.* The Biopolitics of Postmodern Bodies: Constitutions of Self in Immune System Discourse // Haraway D. Simians, Cyborgs, and Women. The Reinvention of Nature. N. Y. : Routledge, 1991. P. 203—230.
9. *Martin E.* Flexible Bodies: The Role of Immunity in American Culture From the Days of Polio to the Age of AIDS. Boston : Beacon Press, 1994.
10. *Featherstone M.* The State of the Network. Radical Anxiety, Real Paranoia and Quantum Culture // Journal for Cultural Research. Vol. 12. № 2. April 2008. P. 181—203.
11. *Tauber A.* The Immune Self. Theory or Metaphor? Cambridge : Cambridge University Press, 1994.
12. *Ulvestad E.* Defending Life. The Nature of Host-Parasite Relations. Dordrecht : Springer, 2007.
13. *Varela F.* On the Conceptual Skeleton of Current Cognitive Science // Beobachter. Konvergenz der Erkenntnistheorien? Muenchen : Wilhelm Fink Verlag, 1990. S. 13—22.
14. *Caspar Ph.* L'individuation des etres. Aristotle, Leibniz et l'immunologie contemporaine. Paris : Editions Lethielleux, 1985.
15. *Esposito R.* Immunitas. The Protection and negation of Life. Cambridge : Polity, 2011.
16. *Cohen E.* Metaphorical Immunity. A Case of Biomedical Fiction // Literature and Medicine. Vol. 22. Number 2, Fall 2003. P. 140—163.
17. *Napier D.* The Age of Immunology. Conceiving a Future of an Alienating World. Chicago ; London : The University of Chicago Press, 2003.
18. *Serres M.* The Parasite. Minneapolis ; London : University of Minnesota Press, 2007.
19. *Khaydegger M.* Vremya i bytie. M. : Respublika, 1993.
20. *Sloterdayk P.* Kritika tsinicheskogo razuma. Ekaterinburg : Izd-vo Ural'skogo un-ta, 2001.
21. *Elden S., Mendieta E.* Being-with as Making Worlds. The Second Coming' of Peter Sloterdijk // Environment and Planning D: Society and Space. 2009. Vol. 27. Pp. 1—11.
22. *Sloterdayk P.* Sfery. Mikrosferologiya. T. I. Puzyri. SPb. : Nauka, 2005.
23. *Sloterdayk P.* Sfery. Makrosferologiya. T. II. Globusy. SPb. : Nauka, 2007.
24. *Sloterdayk P.* Sfery. Plyural'naya sferologiya. T. III. Pena. SPb. : Nauka, 2010.
25. *Khorkkhaymer M., Adorno T.* Dialektika Prosveshcheniya: filosofskie fragmenty. M. ; SPb. : Medium, Yuventa, 1997.
26. *Shpengler O.* Zakat Evropy : v 2. t. T. 2. M. : Ayris-Press, 2003.
27. *Boltanski L., K'yapello E.* Novyy dukh kapitalizma // Logos. 2011. № 1(80). S. 76—102.

© Сивков Д. Ю., 2013

Поступила в редакцию
в январе 2013 г.

УДК 504.5(1-21)

В. Н. Азаров, Т. В. Донцова

**КОНЦЕПЦИИ БИОСФЕРНОЙ
СОВМЕСТИМОСТИ
И ЭКОЛОГИЧЕСКОГО СЛЕДА
И ИХ РОЛЬ В ДОСТИЖЕНИИ
ЭКОЛОГИЧЕСКИ УСТОЙЧИВОГО
РАЗВИТИЯ
УРБАНИЗИРОВАННЫХ
ТЕРРИТОРИЙ**

Рассмотрены концепции биосферной совместимости и экологического следа в рамках устойчивого развития урбанизированных территорий. Представлен общий метод расчета интегральных показателей экологического следа, биологического потенциала и биосферной совместимости территории.

Ключевые слова:

устойчивое развитие,
экологический след,
биологический потенциал,
биосферная совместимость,
урбанизированные территории.

V. N. Azarov, T. V. Dontsova

**CONCEPT OF BIOSPHERIC
COMPATIBILITY AND ECOLOGICAL
FOOTPRINT AND THEIR ROLE
IN SUSTAINABLE DEVELOPMENT
OF URBAN TERRITORIES**

In this article the authors consider the concept of biosphere compatibility and ecological footprint in the framework of the sustainable development of urban territories. They present the general method for calculation of integrated indicators of the ecological footprint, biological potential and biospheric compatibility of the territory.

Key words:

sustainable development,
ecological footprint,
biological potential,
biospheric compatibility,
urban territory.

Воздушная среда из всех элементов, составляющих среду обитания и деятельности человека, является важнейшей. Природный воздух представляет собой сложную динамическую систему, образованную различными газами (и парами) и находящимися во взвешенном состоянии мельчайшими твердыми и жидкими частицами — аэрозолями (пыль, дым, туман, вирусы, бактерии, споры, пыльца). В состав воздуха входят, %: азот — 78,09, кислород — 20,95, водород — 0,01, углекислый газ — 0,03 и инертный газ — 0,93. Воздух жизненно необходим для человека, и при любом значительном изменении соотношения между его компонентами он становится непригодным для дыхания.

На данный момент основной подход к нормированию воздуха основан на принципе нахождения максимально возможной концентрации вредных веществ в атмосфере, основанный на исследованиях российского ученого Берленда, при котором не учитывается максимально возможный уровень поступления загрязняющих веществ в каждый из районов города. В условиях промышленного города представляется интересным не только рассмотреть рассеивание на основании ПДВ, но и разработать гуманитарный баланс атмосферного воздуха в рамках концепции биосферной совместимости В. А. Ильичева — нового подхода к нормированию, который позволит перейти к преобразованию города в биосферосовместимое поселение.

В настоящее время человечество живет расточительно. Способность нашей планеты поддерживать разнообразие видов, включая человека, велика, но принципиально ограничена. Мы потребляем значительно больше, чем экосистема Земли может произвести. И с каждым годом экологический дефицит устрашающе растет. По сравнению с 1960-ми годами в начале XXI столетия количество природных бедствий увеличилось более чем в 3 раза. Таяние высокогорных ледников на континентах, а также в Гренландии ведет к повышению уровня океана. За последние 100 лет его уровень повысился на 10—20 см, а в XXI в. ожидается ускорение и к 2030 г. прогнозируется подъем на 60 см. Отступает береговая линия, затапливаются низменности. Почти мгновенно по планетарным масштабам изменяется

климат — глобальное повышение температуры с 1860 по 1998 гг. составило 0,8 °С. И это лишь самые общие факты, которые заставляют признать проблему не отдаленной, а насущной. Перед будущими поколениями стоит огромная угроза благосостоянию живых систем планеты.

Загрязнение биосферы результатами человеческой деятельности представляет собой проблему мирового масштаба. Факт признания ментальностью человечества приоритета биосферы над интересами человечества не представляется полной фантастикой, и многие страны, в том числе и в Европе, уже встали на этот путь и имеют весьма серьезное законодательство по восстановлению природы. Решение проблемы устойчивого развития изначально подразумевает взаимодействие с природой, сохранение ее «самоподдерживающего» состояния, и антропогенная нагрузка не должна превышать этого предела. Экономической основой такого подхода может быть не рента, а высокая цена на продукты природы с учетом ее затрат на воспроизводство. Эту цену должны брать правительства и направлять ее на ликвидацию причиненного ущерба природе. И речь идет о человечестве в целом, а не об отдельной отрасли, каком-либо городе, предприятии и т. п., что бессмысленно. Нужны объединенные усилия всех стран, иначе одни «развиваются» за счет других, а в итоге деградируют все. Если посмотреть на карты загрязнений, то совершенно очевидно, что источником загрязнений являются городские поселения и промышленность в них. Поэтому начинать работать о биосфере надо именно с городов [1].

Сказанное выше существенно и для России, поэтому Российская академия архитектуры и строительных наук на протяжении нескольких лет ведет исследование «Создание биосферосовместимых поселений». Руководитель данного направления В. А. Ильичев разрабатывает принципиально новый подход к градостроительству, ориентированный на создании биосферосовместимых поселений. Основная идея парадигмы развития города: достигнуть единения города и окружающей природы, так как человек является ее частью и не может без нее существовать. Вместо традиционных критериев и механизмов регрессивного и деградиационного развития отраслей,

Об авторах:

Азаров Валерий Николаевич —
доктор технических наук,
профессор,
зав. кафедрой безопасности
жизнедеятельности в техносфере,
ВолГАСУ

Azarov Valery Nikolayevich —
Doctor of Technical Science,
Professor, Head of the Department of Life
Safety in Technosphere, VSUACE

Донцова Татьяна Васильевна —
аспирант кафедры безопасности
жизнедеятельности в техносфере,
ВолГАСУ, dontv@inbox.ru

Dontsova Tatyana Vasilevna —
Postgraduate student of Life Safety
in Technosphere Department, VSUACE

построенных на теории расширенного экономического воспроизводства, предлагаются критерии и механизмы прогрессивного саморазвития регионов (прогрессивное развитие людей, технологий, организаций и биосферы), опирающихся на воспроизводство главной производительной силы — чистой (лишенной загрязнений) части биосферы. Критерием реализации принципа биосферной совместимости является уровень развития человеческого потенциала. Развитие человека может быть оценено наличием гармонии человека и природы.

Принципиальные основы преобразования поселения в биосферосовместимые и развивающие человека заложены в матрице, представленной на рис. Матрица описывает жизнь города, представляет собой структуру системы управления и планирования, содержит индикаторы результативности работы города в целом и его служб, устанавливает приоритеты и иерархию понятий, позволяет найти слабые места в организации жизни города и, главное, рассчитать уровень симбиоза города и природы и оценить количественно возможности, представляемые городом для развития человека, живущего в нем. Вопрос в желании, в менталитете, в признании необходимости строить с природой симбиотические отношения и делать города биосферосовместимыми [2].

1 Единение города и окружающей Природы, Единство Сознания	4 Законодательное закрепление Гуманитарного Баланса Биотехносферы или поэтапного перехода к нему: земля, вода, воздух, энергия и социальные критерии	7 Функции города, удовлетворяющие потребности человека: жизнеобеспечение, развлечения, власть, милосердие, образование, творчество, связь с природой
2 Сопоставление внешнего (изъятие ресурсов, выбрасывание отходов) и внутреннего (человеческий потенциал) направлений деятельности города	5 Знания, как основа управления городом: Профессионализм, интеллект, информация, предложения по развитию, по устранению факторов, мешающих развитию. Итог: Программы превращения патологии в ресурс развития	8 Надежность, “Конституция” города и другие законы, традиции этносов, советы старейшин. Результат, контроль, баланс, деловитость
3 Гуманитарный Баланс Биотехносферы, т.е. тройственные балансы 1) населения, 2) мест удовлетворения потребностей населения, 3) Потенциала Жизни Биосферы	6 Прогресс, сравнение планируемых природных факторов с фактическими, уровень человеческого потенциала	9 Познание, как основа для политики, силовых структур, взаимодействий со всеми, праздников, стиля города

Матрица преобразования города в биосферосовместимый и развивающий человека

Количественная оценка реализации принципа биосферной совместимости вытекает из расчета баланса (для микрорайона, района, города, региона) биосферы и техносферы и определяется нормируемым соотношением потребностей человека и уровнем развития производительной силы — чистой части биосферы [3]. Балансы биотехносферы регионов — это тройственные балансы населения, мест удовлетворения потребностей населения и потенциала биосферы регионов, которые позволяют гармонично развивать биосферу, людей и техносферу района, страны и планеты, согласовывать их ко-

личественные и качественные изменения, предотвращать кризисы и катастрофы. Количественная оценка баланса биотехносферы может быть выполнена введением некоторого интегрального показателя единицы биотехносферы, который складывается из нескольких составляющих: суммарные выбросы промышленности, симбиотический баланс озелененной площади и промышленной зоны, эффективность введения в хозяйственный оборот новых технологий, интенсивность очищения окружающей среды зелеными рекреационными зонами различных видов и др. Эти показатели в большинстве своем в настоящее время нормируемы и рассчитываемы [4]. Если потенциал жизни биосферы недостаточен, то нужно ограничивать численность населения в данном регионе или менять технологии мест удовлетворения рациональных потребностей населения. Данные технологии должны повышать потенциал жизни биосферы, только в этом случае они будут инновационными [5].

Расчет симбиотического баланса биотехносферы непосредственно связан с уровнем реализации функций города в рассчитываемый период времени. Количественную оценку баланса биосферы и техносферы территории в рамках рассматриваемой концепции в условиях современного уровня урбанизации и обязательного условия реализации всех функций города можно выполнить с использованием двух интегральных показателей [3]: η — показатель биосферной совместимости территории; ξ — показатель уровня реализации функций биосферосовместимого поселения (функции города).

Значение показателя биосферной совместимости территории определяется по формуле [1]

$$\eta = \sum_n \sum_i (D_{in} \xi_{in}^* \theta_{in} - A_{in} \gamma_{in} m_{in}), \quad (1)$$

где первое слагаемое в правой части представляет собой относительный показатель чистой (лишенной загрязнений) биосферы окружающей среды; второе слагаемое — относительный показатель загрязнений от техносферы с максимальными концентрациями, допускающими развитие (МКДР); D_{in} — отношение требуемой площади биосферы к площади рассчитываемой территории, необходимой для нейтрализации загрязнений от техносферы до уровня МКДР из расчета на i -е рабочее место в n -й функции города; ξ_{in}^* — коэффициент однородности биосферы, учитывающий различные интенсивности поллютантов; θ — требуемое количество рабочих мест, загрязнение от которых на рассчитываемой территории может быть поглощено биосферой; A_{in} — значение параметра загрязнений от i -го источника при реализации n -й функции города, рассчитываемое для территории распространения загрязнений; γ_{in} — коэффициент приведения параметров загрязнений к одному источнику; m_{in} — число рабочих мест в i -м источнике загрязнений в n -й функции города.

Критерий расширенного воспроизводства главной производительной силы биосферосовместимого города записывается в виде следующих неравенств:

$$\eta > 0; \quad (2)$$

$$\eta \leq 0. \quad (3)$$

При положительном балансе биосферы и техносферы (критерий (2)) обеспечивается рост главной производительной силы и естественный прирост населения. При отрицательном балансе (критерий (3)) имеет место регрессивное развитие человека и территории, уничтожение человеком биосферы и самого себя как ее составляющей [3].

Гуманитарные балансы биотехносферы составляются последовательно для города, региона, страны [2], поэтому сейчас стоит задача расчета балансов биотехносферы поселений, а также их перевода в режим реализации — законодательного и нормативного закрепления гуманитарного баланса биотехносферы региона или поэтапный переход к этому балансу. На данный момент разрабатывается методика расчета потребности города в природном ресурсе — воздухе — на примере Волгограда. Но это только одно из трех слагаемых схемы баланса. Чтобы оценить темп возможного развития, гуманитарные балансы биотехносферы разрабатываются для прошлого, настоящего и будущего [2].

Согласно принципам устойчивого развития, экономическое и социальное развитие должно быть направлено на то, чтобы удовлетворение сегодняшних потребностей не оказало негативного влияния на возможности удовлетворения потребностей будущих поколений. Еще в 1990 г. Матис Вакернагель и Уильям Рис (University of British Columbia) создали концепцию экологического следа [6]. Экологический след соответствует площади биологически продуктивной территории и акватории, необходимой для производства ресурсов, потребляемых отдельными лицами, группами населения или при осуществлении той или иной деятельности, а также для ассимиляции образующихся отходов с учетом преобладающей технологии и подходов к использованию ресурсов. Эта площадь выражается в глобальных гектарах, т. е. гектарах территории или акватории, имеющей среднемировую биологическую продуктивность [7].

Общий экологический след популяции рассчитывается по формуле [6]:

$$F_p = \sum_{i=1}^n a_i, \quad (4)$$

где a_i — экологический след каждого элемента, который определяется по формуле:

$$a_i = \frac{c_i}{y_i F E_f}, \quad (5)$$

где c_i — годовое потребление элемента; y_i — продуктивность земли или выход каждого ее элемента по назначению, например пастбище, кукурузное поле и т. п., кг/га; F — фактор урожайности; E_f — эквивалентный фактор.

Экологический след является отрицательным экологическим показателем. Другой показатель — биологический потенциал — можно считать положительным экологическим показателем. Это возможность биосферы Земли производить возобновляемые ресурсы.

Биологический потенциал можно рассчитать, основываясь на формуле [6]

$$\text{БП} = SFE_f, \quad (6)$$

где S — площадь земли, имеющая потенциальную возможность производить возобновляемые ресурсы.

Таким образом, экологический след — это ресурсы, необходимые для удовлетворения потребностей человечества (спрос), а биологический потенциал — это возможности Земли создать необходимые ресурсы (предложение). Эти показатели надо оценивать комплексно, т. е. по их взаимной связи. Исходя из этого, можно увидеть, является ли страна «экологическим должником» или же «экологическим донором». Тема экологического следа сравнительно нова, однако она приобретает все большее значение как в решении глобальных международных проблем охраны окружающей среды, при подготовке национальных и региональных программ устойчивого развития, так и при развитии экологической ответственности и культуры общества. Экологический след можно считать интегральным показателем, отражающим национальное и глобальное устойчивое развитие страны, региона или города только условно, так как на самом деле он является лишь природоохранным показателем и не отражает таких важных аспектов устойчивого развития, как социальные и экономические индикаторы. Это является одним из недостатков концепции экологического следа.

В матрице преобразования города в биосферосовместимый и развивающий человека (см. рис.) показатели экологического следа и биологического потенциала относятся ко второму элементу данной матрицы — сопоставление внешнего и внутреннего направлений деятельности человека; гуманитарные балансы биотехносферы — к третьему элементу матрицы.

Высокий человеческий потенциал — единственное условие существования, а тем более развития страны в современном мире. Так как мировое общество потребляет природные ресурсы слишком интенсивно, то экономически развитые страны должны иметь общую стратегию экологически устойчивого развития урбанизированных территорий.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Ильичев В. А. Принципы преобразования города в биосферосовместимый и развивающий человека // Промышленное и гражданское строительство. 2010. № 6. С. 3—13.
2. Ильичев В. А. Биосферная совместимость: технологии внедрения инноваций. Города, развивающие человека. М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. 240 с.
3. Некоторые вопросы проектирования поселений с позиции концепции биосферной совместимости / В. А. Ильичев, В. И. Колчунов, А. В. Берсенов и др. // Строительные науки. 2009. № 1. С. 74—80.
4. Ильичев В. А. К построению модели биосферосовместимых городов / В. А. Ильичев, В. И. Колчунов, С. А. Воробьев и др. // Фундаментальные исследования РААСН по научному обеспечению развития архитектуры, градостроительства и строительной отрасли Российской Федерации в 2009 году : сб. науч. тр. РААСН : в 2 т. М. ; Иваново : РААСН ; ИГАСУ, 2010. Т. 2. С. 201—209.
5. Ильичев В. А. Расчет гуманитарных балансов биотехносферы // Градостроительство. 2011. № 4 (14). С. 38—42.

6. Ружевичус Ю. Экологический след как новый количественный индикатор устойчивого развития. 2010. 9 с.

7. Живая планета-2008 : доклад [Электронный ресурс]. Гланд, Швейцария: 2008. 47 с. URL: assets.panda.org/downloads/lpr_russian_2008_web.pdf (дата обращения: 30.11.2012).

1. Il'ichev V. A. Printsipy preobrazovaniya goroda v biosferosovmestimyy i razvivayushchiy cheloveka // Promyshlennoe i grazhdanskoe stroitel'stvo. 2010. № 6. S. 3—13.

2. Il'ichev V. A. Biosfernaya sovместimost': tekhnologii vnedreniya innovatsiy. Goroda, razvivayushchie cheloveka. M. : Knizhnyy dom «LIBROKOM», 2011. 240 s.

3. Nekotorye voprosy proektirovaniya poseleniy s pozitsii kontseptsii biosfernoy sovместimosti / V. A. Il'ichev, V. I. Kolchunov, A. V. Bersenev i dr. // Stroitel'nye nauki. 2009. № 1. S. 74—80.

4. Il'ichev V. A. K postroeniyu modeli biosferosovmestimyykh gorodov / V. A. Il'ichev, V. I. Kolchunov, S. A. Vorob'ev i dr. // Fundamental'nye issledovaniya RAASN po nauchnomu obespecheniyu razvitiya arkhitektury, gradostroitel'stva i stroitel'noy otrasli Rossiyskoy Federatsii v 2009 godu : sb. nauch. tr. RAASN : v 2 t. M. ; Ivanovo : RAASN ; IGASU, 2010. T. 2. S. 201—209.

5. Il'ichev V. A. Raschet gumanitarnyykh balansov biotekhnosfery // Gradostroitel'stvo. 2011. № 4 (14). S. 38—42.

6. Ruzhevichyus Yu. Ekologicheskiy sled kak novyy kolichestvennyy indikator ustoychivogo razvitiya. 2010. 9 s.

7. Zhivaya planeta-2008 : doklad [Elektronnyy resurs]. Gland, Shveytsariya: 2008. 47 s. URL: assets.panda.org/downloads/lpr_russian_2008_web.pdf (data obrashcheniya: 30.11.2012).

© Азаров В. Н., Донцова Т. В., 2013

*Поступила в редакцию
в январе 2013 г.*

УДК 911.375+572: 338.124.4

К. С. Смирнов**ГОРОДСКОЕ ПРОСТРАНСТВО
КАК ВОПЛОЩЕНИЕ
УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ МАТРИЦЫ
СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ**

Показано, как управленческие механизмы современной культуры реализуются в городском пространстве. Данная реализация носит дезинтегрирующий характер, что позволяет говорить о возможности восстановления существенных элементов традиционного городского культурного пространства.

Ключевые слова:

управленческая матрица,
современный город,
современная культура,
традиционная культура.

K. S. Smirnov**URBAN AREA AS REALIZATION
OF RULING MATRIX
OF MODERN CULTURE**

In the article it is shown how ruling mechanisms of modern culture are realized in urban area. This realization is of disintegration nature that permits to speak about an opportunity of restoration of the main elements of the traditional cultural area.

Key words:

ruling matrix,
modern city,
modern culture,
traditional culture.

Об авторе:

Смирнов Кирилл Сергеевич —
кандидат философских наук, доцент
кафедры философии, биоэтики и права,
Волгоградский государственный
медицинский университет,
zzzzzz111@mail.ru

Smirnov Kirill Sergeevich —
Candidate of Philosophical Science,
Docent of Philosophy, Bioethics
and Law Department,
Volgograd State Medical University

Каждая культура, будь то традиционная или современная, предполагает определенные механизмы управления человеческим поведением и вообще всем строем жизни. В традиционной культуре такими механизмами управления были религия или, по крайней мере, секуляризованная форма морали. В современной культуре можно, на наш взгляд, выделить три таких механизма: финансовая культура, социальная стратификация и массовая культура. Именно эти три механизма управления позволяют говорить о профанном характере современной культуры в противоположность сакральному характеру культуры традиционной. Именно в городском топосе управленческая матрица современной культуры находит свое законченное воплощение. Городом, который наилучшим образом иллюстрирует указанную матрицу, является Сан-Паулу в Бразилии: город с 250 вертолетными площадками в самом центре города. Чтобы оградить себя от «опасностей» смешения с простыми людьми, очень состоятельные горожане предпочитают пользоваться вертолетами. Поэтому при взгляде на Сан-Паулу возникает ощущение, будто вы оказались в футуристическом городе из голливудских блокбастеров: простые горожане «копшатся» на опасных улицах внизу, на земле, а богатые «новые небожители» перемещаются на более высоком уровне, по воздуху. Можно сказать, что современный город является тем топосом, где можно наблюдать два феномена: «восстание элит» и «предательство демократии». «Восстание элит и предательство демократии» — таково название книги современного американского социолога и политолога Кристофера Лэша. Ученый отмечает, что «беда с нашим обществом, с этой точки зрения, не просто та, что у богатых слишком много денег, но та, что их деньги изолируют их куда больше, чем бывало, от общей жизни» [1].

После краха СССР и завершения марксистского проекта капитализм, по сути, стал глобальным или тотальным. Его развитие привело к возникновению символической экономики финансовых потоков. Эта экономика во много раз превосходит реальную экономику. Бодрийяр отмечает, что произошел переход «от продуктив-

стско-капиталистического общества к кибернетическому неокapитализму, ориентированному уже на абсолютный контроль... капитал становится... чем-то вроде социально-генетического кода» [2].

В сущности, в современной культуре не остается ничего, кроме этой социально-генетической кодификации. Это есть основное порождение симулятивной финансовой культуры. Теперь люди отличаются друг от друга и делятся на слои исходя из единственного критерия: наличия или отсутствия социально-генетического кода (симулятивного капитала). Такой профанизации человеческая культура не знала. Именно в городах (особенно в нескольких десятках мировых мегаполисов, таких как Лондон, Нью-Йорк, Токио, Гонконг и т. д.) расположены центры этой профанной кодификации. Этими центрами являются биржи и банки. Отныне они и только они определяют положение человека в городском топосе. Люди, обладающие социально-генетическим кодом, имеют очевидные предпочтения на обитание в ухоженном историческом центре города или в специальных городских районах и зонах повышенной комфортности. Те же люди, которые лишены социально-генетического кода, живут в так называемых шанти-таунах.

Шанти-таун (от английского shanty — «хибара» + town — «городок»), бидонвиль (от французского bidon — «цистерна» + ville — «городок»), фавела (от португальского favo — «соты») — близкие по смыслу термины. Шанти-таун — буквально «трущобный город» — небольшой город в городе или часть города, состоящий, главным образом, из лачуг. Бидонвиль — шанти-таун, расположенный на городских окраинах во Франции и Северной Африке. Фавела — шанти-таун или трущоба в Бразилии и других странах Латинской Америки. Люди, живущие в этих частях городского топоса, существуют не просто в режиме реальной экономики, а, можно сказать, в режиме экономики выживания. Они выживают на 1—2 доллара в день. По данным на начало XXI в., таких людей 1,2 миллиарда [3]. Очевидно, что кризис 2008 г. привел к увеличению числа людей, лишенных социально-генетического кода и вынужденных перебраться из более благоприятных частей городских топосов в трущобы. То есть на сегодняшний день каждый седьмой или даже, может быть, шестой представитель рода человеческого живет в условиях, которые с большим трудом можно назвать человеческими.

Но шанти-тауны — это не только продукт внутригородской кодификации и, следовательно, социальной стратификации и демаркации. Это продукт миграции из сел в города. Благодаря массовой культуре, которая стала почти абсолютной доминантой сознания обычного современного человека в любой точке мира, города стали очень соблазнительными аттракторами. Ведь только в рамках городского топоса можно «пробиться» и стать обладателем заветного социально-генетического кода.

Массовая культура является мощнейшим механизмом управления сознанием. При этом система ценностей в данном типе культуры трансформировалась в систему соблазнов. Мы все, человечество в целом, оказались в обществе тотального соблазна. Это нечто новое по сравнению с тем, что было ранее. Произошел колоссальный прогресс в отношении жизненных благ и комфорта, которых раньше никто и предположить не мог. Благодаря массмедиа все достижения в сфере жизненных благ становятся общеизвестными. Очень быстро становится общеизвестным все то, что еще только делается в этом от-

ношении, что будет сделано и что считается возможным. Массовая культура создает целую сеть симулякриванных пустот, будто все эти сказочные блага общедоступны или в принципе могут быть доступны всем. Эти бесконечные симулякры играют в данном случае роль библейского сатаны-соблазнителя, который сулит всеобщий земной рай.

Важным инструментом формирования всего психического строя современного человека является такой сегмент массовой культуры, как реклама. Это не просто пропаганда товаров и услуг. Это пропаганда системы соблазнов и определенного образа жизни в этой системе. В рекламе духовно-психологическое оболванивание людей выступает в самой вульгарной, а значит, в самой широкодоступной и действенной форме. Рекламируется свобода, активность, успех, удовольствия, спортивность, бодрость, культ молодости. Но прежде всего и главным образом рекламируется финансово-экономический успех. Его воплощает фигура миллиардера, который начал будто бы с нуля и благодаря своим вполне законным и моральным усилиям в течение нескольких лет стал баснословно богатым. Рекламный стиль предполагает экстремальные преувеличения во всем, что рекламируется, высочайшую стилизацию банальностей, превознесение обычного как из ряда вон выходящего, агрессивность, стремление привлекать к себе внимание, масштабность. Все это транслируется посредством двух «икон» массмедиа: телевидения и Интернета. Причем люди подвергаются воздействию этих «икон» с того возраста, когда становятся достаточно большими, чтобы без присмотра оставаться перед экраном телевизора или монитором компьютера. Более того, они подвергаются воздействию этих симулякров в той грубой, однако соблазнительной форме, которая представляет рыночные ценности на понятном им простейшем языке. Лэш указывает, что «самым недвусмысленным образом коммерческое телевидение ярко высвечивает тот цинизм, который всегда косвенно подразумевался идеологией рынка. Общепринятое сентиментальное убеждение, что самое дорогое в жизни не купить ни за какие деньги, давно кануло в пучину забвения. Поскольку ясно, что в мире, который изображает коммерческое телевидение, самое дорогое стоит очень больших денег, люди стремятся к деньгам средствами честными или бесчестными. Представление, что преступление не окупается, — другая отброшенная условность — уступает место тому пониманию, что последовательные попытки блюсти законность — это битва, обреченная на поражение, что политические власти беспомощны перед лицом преступных синдикатов и зачастую препятствуют полиции в ее усилиях призвать преступников к ответу, что все конфликты разрешаются путем насилия и что угрызения совести по поводу насилия обрекают совестливого на положение неудачника» [1].

Но в реальности жизненные блага распределяются крайне неравномерно. Некоторые из этих благ доступны очень немногим, другие доступны сравнительно многим, но в разной мере. Причем различия в мере огромные. Одним достаются крохи, другие же сходят с ума от того, что им нечего больше хотеть, т. е. абсолютно пресыщены. В результате уже миллиарды людей глобализирующегося человечества чувствуют себя обделенными и испытывают зависть и даже ненависть к тем, кому доступны современные распропагандированные блага и кому они доступны в большей мере, чем им. Огромные массы людей

испытывают желание иметь блага, иметь сразу и иметь как можно больше. Это желание в основном становится духовно-психологическим состоянием людей, влияющим на их поведение, ведущим в направлении карьеризма, преступлений, приспособленчества. Для большинства же людей оно становится дополнительным источником внутренних страданий. Они испытывают адские мучения, видя фантастические современные городские богатства рядом, но не имея возможности воспользоваться ими.

Можно сказать, что главным суммарным, всеобъемлющим императивом массовой культуры является принудительно высокий жизненный стандарт. Чтобы соответствовать этому стандарту, огромные массы людей рвутся в города (особенно в крупнейшие столицы и мегаполисы).

Таким образом, современный город воплощает в себе предельную поляризацию социального пространства. На одном полюсе расположена заповедная область почти «земного рая» с максимальным сочетанием комфорта и экологичности, на другом полюсе имеет место «социальный ад», мало пригодный для человеческой жизни. Очевидно, что возможность какого-либо общего демократического дискурса в такой ситуации разрыва практически отсутствует. Более того, данная ситуация чревата перспективой социального взрыва и дезинтеграцией всего социального поля города, превращения его в арену жестокого противостояния и террора, когда «гроздь гнева», порожденные современной культурой, окончательно созреют.

По-видимому, трансформация социального пространства современного города в направлении уменьшения поляризации будет происходить после краха современной квазикультуры и ее основ и восстановления традиционных культурных пространств. Крах же современной культуры или, другими словами, завершение цикла ее развития уже не вызывает сомнений, ибо глобальная финансовая пирамида, которая лежит в ее основе, оказалась уже вблизи границы своей устойчивости.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Лэш К. Восстание элит и предательство демократии [Электронный ресурс]. URL: <http://knigosite.ru/library/read/591> (дата обращения: 21.11.2012).
2. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М. : Добросвет ; КДУ, 2009. С. 130, 131.
3. Свендсен Л. Философия зла. М. : Прогресс-Традиция, 2008. С. 295.
1. Lesh K. Vosstanie elit i predatel'stvo demokratii [Elektronnyy resurs]. URL: <http://knigosite.ru/library/read/591> (data obrashcheniya: 21.11.2012).
2. Bodriyyar Zh. Simvolicheskiy obmen i smert'. M. : Dobrosvet ; KDU, 2009. S. 130, 131.
3. Svendsen L. Filosofiya zla. M. : Progress-Traditsiya, 2008. S. 295.

© Смирнов К. С., 2013

Поступила в редакцию
в январе 2013 г.

УДК 001.-057.1

*Т. А. Тимченко***КАДРОВЫЙ СОСТАВ
СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ
НАУКИ**

Проанализирована система подготовки и аттестации научно-педагогических кадров РФ. Изучены основные факторы, влияющие на повышение эффективности системы воспроизводства специалистов высшей квалификации.

Ключевые слова:

аспирантура,
докторантура,
диссертационный совет,
диссертационная работа.

*Т. А. Timchenko***THE STAFF OF MODERN
RUSSIAN SCIENCE**

Analyzed is the training system and certification of the scientific and pedagogical staff of the RF. The authors study the main factors that influence the increase of effectiveness of the system of reproduction of high qualification specialists.

Key words:

postgraduate education,
doctoral programme,
Dissertation Board,
dissertation qualification paper.

Об авторе:

*Тимченко Т. А. —
аспирант кафедры экономики социальной
сферы экономического факультета
МГУ им. М. В. Ломоносова*

*Timchenko T. A. —
Postgraduate student of Economy
of Social Sphere Department,
Economy Faculty,
Moscow State University
named after M. V. Lomonosov*

В современных условиях социально-экономическое развитие любой страны зависит от создания и эффективности использования достижений науки, внедрения новой техники и технологий, широкого использования информационных ресурсов. Россия в этом отношении не является исключением. Более того, уникальное геополитическое положение России и богатство природных ресурсов может быть использовано во благо российского общества только на базе интенсивного, опережающего развития науки.

Ключевым элементом, определяющим темпы развития и эффективность научных исследований, является финансовая составляющая. Однако увеличение объема и совершенствование механизмов финансирования является хотя и важнейшим, но, вместе с тем, не единственным фактором развития науки. Непосредственными производителями научных знаний являются люди науки, ее кадровый потенциал и вклад научного сообщества в развитие науки имеют самостоятельное значение. Понимание этого существует в общественном сознании россиян и закрепляется в государственной политике в области науки и образования. Так, в стратегии инновационного развития РФ на период до 2020 г. проблеме подготовки научных кадров уделено особое внимание, и она признана важнейшей задачей, стоящей перед российским обществом и государством [1].

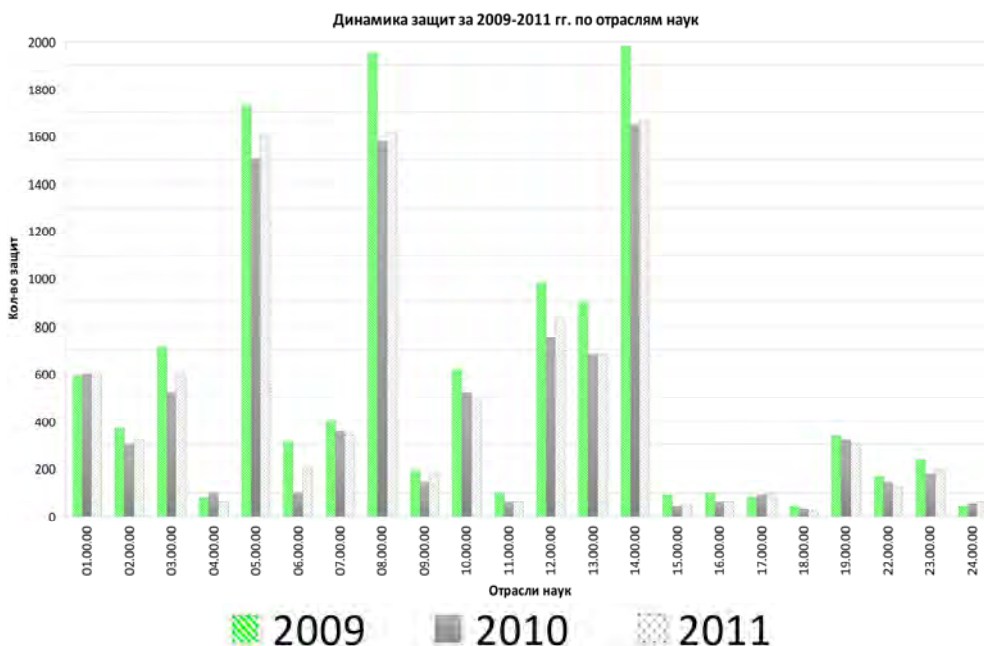
Для современной российской науки кадровая проблема является особенно актуальной. Наряду со значительным сокращением всего научного сообщества в России наблюдается старение научных кадров и деформация их возрастной структуры, вызванная отъездом молодых ученых за рубеж и падением общего престижа научной работы. При этом неблагоприятная ситуация сложилась в тех областях, которые принесли мировое признание российской науке, — в естественно-научных и технических отраслях научного знания. В связи с этим важнейшими проблемами, на решение которых должна быть направлена совместная деятельность государства и научного сообщества, становятся проблемы воспроизводства кадрового потенциала, совершенствование системы подготовки специалистов высшей квалификации.

Данная статья посвящена анализу этой проблемы в том ее аспекте, который касается статистического распределения специалистов, готовящихся для различных отраслей науки, а также анализу соответствия качественных и количественных параметров вновь подготовленных научных кадров реальным потребностям общества.

Анализ статистики диссертаций, защищаемых по отраслям науки, свидетельствует, что с 1998 по 2012 гг. доля подготовленных и защищенных докторских диссертаций по естественно-научным и техническим дисциплинам уменьшилась с 47,9 до 37,1 %; число кандидатских диссертаций уменьшилось с 38,9 до 31,6 %. По девятнадцати специальностям диссертационными советами в 2012 г. не было рассмотрено ни одной работы, и большинство этих специальностей относятся к естественным наукам. Так, по специальности «Радиоизмерительные приборы» (05.11.06) и «Ядерная и радиационная безопасность» (05.26.05) за период с 2008 по 2012 гг. не было представлено ни одной диссертационной работы. Сходная ситуация характерна и для таких научных специальностей, как «Физика и технология наноструктур» (01.04.15), «Бионеорганическая химия» (02.00.12), «Медицинская химия» (02.00.16), «Биоинженерия» (03.01.08), где советы по защите кандидатских и докторских диссертаций в 2012 г. вообще не функционировали.

Вместе с тем, за рассматриваемый период в области социально-гуманитарных наук доля соискателей ученой степени доктора наук возросла с 27,2 до 39,9 %, а кандидатов наук — с 37,3 до 48,4 %. В 2012 г. было защищено 2685 докторских и 21 155 кандидатских диссертаций. Рост количественных показателей можно было бы считать признаком благополучного развития социально-гуманитарных исследований, однако такой вывод не вполне корректен.

Если обратиться к статистике защит за 2009—2011 гг. (рис.), легко увидеть, что основной количественный рост обеспечили три научных направления: экономические науки, юридические науки и педагогические науки.

Количество кандидатских диссертаций, защищенных по блоку экономических дисциплин за 2007—2011 гг., составляет 8827 работ (табл. 1). Совокупность других социогуманитарных наук, включающих философию, социологию, политологию, культурологию, филологические и исторические науки, составляет 7193, т. е. только 80 % от числа экономических. Если взять три «лидирующие» научные отрасли — экономические, юридические и педагогические науки — и сравнить количество защищенных по этим наукам кандидатских работ с социогуманитарным блоком поименованных дисциплин, то отличие будет разительным. Совокупность философских, социологических, политологических, культурологических, филологических и исторических диссертационных работ составляет всего 42 % от «лидирующей» тройки.

Таблица 1

Количество защит кандидатских диссертаций в 2007–2011 гг.

Наименование отрасли науки	2007	2008	2009	2010	2011
01.00.00 Физико-математические	578	545	591	597	604
02.00.00 Химические	339	324	349	300	328
03.00.00 Биологические	520	563	714	512	596
04.00.00 Геолого-минералогические	64	52	75	81	61
05.00.00 Технические	1730	1347	1730	1501	1604
06.00.00 Сельскохозяйственные	204	194	309	89	192
07.00.00 Исторические	368	320	395	326	338
08.00.00 Экономические	2054	1629	1940	1568	1636
09.00.00 Философские	166	142	186	120	177
10.00.00 Филологические	584	556	617	518	497
11.00.00 Географические	78	49	92	47	58
12.00.00 Юридические	985	925	977	738	836
13.00.00 Педагогические	811	692	900	680	683
14.00.00 Медицинские	1911	1775	1982	1643	1658
15.00.00 Фармацевтические	28	30	75	33	46
16.00.00 Ветеринарные	63	68	81	50	54
17.00.00 Искусствоведение	61	106	67	74	98
18.00.00 Архитектура	10	9	26	16	14
19.00.00 Психологические	318	247	326	308	307
22.00.00 Социологические	145	125	160	122	123
23.00.00 Политические	204	181	255	156	182
24.00.00 Культурология	49	33	40	44	64
Всего	11270	9912	11887	9523	10156

Трудно подобрать рациональное объяснение этому факту. Возникает вопрос: соответствует ли такое количество исследователей в области экономики, юриспруденции и педагогики реальным запросам общества? Далее, в состоянии ли кафедры и научно-исследовательские организации качественно подготовить такое количество квалифицированных исследователей, соответствующих уровню кандидата и доктора наук? И, наконец, получили ли эти многочисленные работы достаточно глубокую квалифицированную оценку экспертных организаций в лице диссертационных советов и ВАК?

Обоснованные ответы на эти вопросы требуют дальнейшего изучения со стороны научного сообщества и организационного анализа со стороны государственных структур, отвечающих за состояние науки в России. Однако и самые общие соображения показывают, что столь бурный рост не соответствует запросам общества и реальным возможностям трудоустройства. Со-

шлемся на то, что в РФ в 2010 г. доля аспирантов и докторантов социогуманитарного профиля равнялась 48,8 и 46,5 % соответственно. В то же время число исследователей, работающих в этой сфере, составило не более 6 % от общего числа научных работников. Получается, что около 40 % подготовленных кадров — лишние и вряд ли принесут пользу российской науке. Можно сказать, что неконтролируемый количественный рост не является показателем успеха, скорее это показатель неблагополучия в той или иной отрасли научного знания.

В этом отношении определенный вопрос возникает и в связи со статистикой защит по техническим наукам. За 2007—2011 гг. работы на соискание ученой степени кандидата технических наук защитили 7912 человек. В то же время по физико-математическим и химическим наукам, содержательно и логически определяющим развитие технического знания, защищено 4555 аналогичных работ. Разрыв весьма существенный, в 1,74 раза, почти двукратный. Можно было бы предположить, что такой отрыв обусловлен инновационным ростом производства в РФ, однако ничего подобного в российской экономике за эти годы не наблюдалось. Отмеченный факт требует детального анализа, не хотелось бы, чтобы подготовка кадров в области технического знания повторила путь развития «лидирующей» тройки социогуманитарных дисциплин.

Рассмотрим вопрос подготовки молодого поколения российских ученых. Базовым социальным институтом, который традиционно выполнял функцию воспроизводства и наращивания кадрового потенциала науки, являлась система поствузовского профессионального обучения, т. е. аспирантура и докторантура. Эта система на протяжении многих лет была многоцелевым ресурсом, благодаря которому формировалась научная и научно-педагогическая элита. Она действует и в настоящее время, однако качество ее работы вызывает ряд критических замечаний. Так, за последнее время при заметном росте числа аспирантов (с 62 тыс. чел. в 1995 г. до 157 тыс. чел. в 2010 г.) завершают диссертационные работы в срок только 30 % выпускников аспирантуры. Примерно такие же показатели характерны и для докторантуры. Около 30 % аспирантов по окончании сроков обучения выбывают без представления диссертаций. Из 21 155 человек, защитивших диссертации на соискание ученой степени кандидата наук в 2010 г., выпускников аспирантуры было только 13 114 (62 %), из 2685 защитивших в 2010 г. докторские работы только 25,6 % являлись докторантами. С чем связано снижение эффективности, казалось бы, надежной системы? На наш взгляд, здесь следует указать на два взаимосвязанных фактора.

Во-первых, это снижение качества подготовки претендентов на обучение в аспирантуре и одновременно их количественное уменьшение. Хотя в 1080 ныне действующих российских вузах обучаются около 7 млн студентов, значительная их часть получает образование в негосударственных учебных заведениях (в настоящее время число негосударственных вузов равно 446). Уровень образования, который дают негосударственные вузы, известен, и их выпускники в аспирантуру (за редким исключением) не поступают. Доля бюджетных мест в вузах государственных упала по сравнению с 2000 г. с 60 до 37 % [2]. Более половины студентов обучаются либо заочно, либо очно на платной основе. Уровень подготовки платников и заочников также известен, и они, как правило, не претендуют на обучение в аспирантуре. Таким обра-

зом, количество реальных кандидатов на аспирантские места невелико и конкурсный отбор на обучение в аспирантуре практически отсутствует.

Второй фактор имеет более глубокую, системную причину. Если сказать коротко, он заключается в потере мотивации к научной деятельности. Научная деятельность становится непрестижной в связи с низким уровнем оплаты труда и отсутствием вертикальной мобильности, играющей роль социального лифта. Это приводит к оттоку из науки значительного количества творческой инициативной молодежи, которая не считает научную и научно-педагогическую карьеру удачной и привлекательной. Научное сообщество России и органы государственной власти осознают серьезность проблемы и принимают определенные меры к ее решению. В их числе увеличение размеров стипендии аспирантам и докторантам, выделение целевых грантов для молодых кандидатов и докторов наук и др. Будут ли эти меры достаточными для восстановления престижа научно-педагогической деятельности и привлечения в науку творческих инициативных молодых людей — покажет ближайшее время. Однако недавняя история нашей страны свидетельствует, что для решения подобных задач нужны более радикальные меры.

Так, потребность СССР в научно-технических кадрах, необходимых для успешной индустриализации страны и создания военно-промышленного комплекса, была реализована, в том числе, и за счет создания благоприятных условий оплаты труда специалистов высшей квалификации. Согласно Постановлению СНК СССР от 11.11.1937 № 2000, должностные оклады в вузах и НИИ были повышены (табл. 2).

Таблица 2

Штатные должности	Должностные оклады с учетом стажа в 1937 г.		
	До 5 лет	От 5 до 10 лет	Свыше 10 лет
Профессор, доктор наук	1000	1150	1300
Доцент, кандидат наук	700	800	900
Ассистент, кандидат наук	600	700	800

В том же году вышло Постановление СНК СССР № 2019, где устанавливалась стипендия для аспирантов вузов и НИИ в размере 400 р. в месяц¹.

В 1946 г. в целях интенсификации научной работы и повышения квалификации научных и научно-педагогических кадров заработная плата им вновь была повышена Постановлением СНК СССР № 514 от 06.03.1946 г. (табл. 3).

Таблица 3

Штатные должности	Должностной оклад с учетом стажа в 1946 г.		
	До 5 лет	От 5 до 10 лет	Свыше 10 лет
Профессор, доктор наук	3500	4500	5500
Доцент, кандидат наук	2500	2800	3200
Ассистент, кандидат наук	1750	2000	2300

¹ Для сравнения: средняя месячная заработная плата промышленных рабочих в этом же году составляла 297 р. [3].

Экономическое стимулирование труда научно-педагогических кадров позволило СССР решить прорывные научно-технические задачи по освоению космоса, реализации атомного проекта и др., построить вторую по объему ВВП экономику мира. Изучение этого исторического опыта, несомненно, поможет реализации программы модернизации производственного комплекса современной России.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Гордеева Н. А., Филь М. М. Право и реформирование науки: проблемы и решения. М. : Новая правовая культура, 2005. С. 14.
2. Галкина Е. А. Дьявол кроется в деталях // Управление качеством. 2013. № 1. С. 43.
3. История рабочих Ленинграда. Л. : Наука, 1972. Т. 2. С. 309.
1. Gordeeva N. A., Fil' M. M. Pravo i reformirovanie nauki: problemy i resheniya. M. : Novaya pravovaya kul'tura, 2005. S. 14.
2. Galkina E. A. D'yavol kroetsya v detalyakh // Upravlenie kachestvom. 2013. № 1. S. 43.
3. Istoriya rabochikh Leningrada. L. : Nauka, 1972. T. 2. S. 309.

© Тимченко Т. А., 2013

Поступила в редакцию
в январе 2013 г.

УДК 316.334.56

Н. Н. Седова

**СОЦИОЛОГИЯ ГОРОДА:
ДОСТИЖЕНИЯ И ПОТЕРИ
(впечатления
о IV Очередном
Всероссийском
социологическом конгрессе)**

IV Очередной Всероссийский социологический конгресс «Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие» был чрезвычайно интересным мероприятием. Новые идеи и полезные данные исследований в области социологии города скажутся самым положительным образом на ее развитии. Но и проблемы стали более очевидными. Главная из них — неопределенность исследовательской парадигмы в социологии города.

Ключевые слова:

конгресс,
социология города,
социология региона,
город как пространство,
горожанин.

N. N. Sedova

**CITY SOCIOLOGY:
ACHIEVEMENTS AND LOSSES
(Impressions about IV Next All-
Russia Sociological Congress)**

IV Next All-Russia Sociological Congress "Sociology and society: global challenges and regional development" was an extremely interesting event. New ideas and useful results of researches in the field of city sociology would have a very positive influence on its development. But also the problems became more obvious. The main problem is uncertainty of a research paradigm of city sociology.

Key words:

congress,
city sociology,
region sociology,
city as space,
citizen.

В октябре 2012 г. в Уфе состоялся IV Очередной Всероссийский социологический конгресс «Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие» [1]. Конгресс проходил под эгидой Российского общества социологов при активном участии Института социологии РАН, Академии наук Республики Башкортостан и ИСППИ АН РБ. Высокий статус мероприятия подтвержден тем, что открывал его лично Президент Башкирии, который продемонстрировал прекрасную социологическую эрудицию и опыт использования результатов социальных исследований в своей управленческой деятельности. Вообще конгресс был очень хорошо организован, были созданы площадки для самых разных дискуссий, и дух свободы мысли ощущался повсеместно. Немалые трудности возникали только при выборе секций и сессий для работы, потому что их было много и все они были достаточно интересны. Естественно, такое мероприятие не могло обойти стороной и проблемы социологии города, причем им были посвящены несколько заседаний шестой секции «Вызовы городского и регионального развития: диагностика проблем и технология решений», а также заседание секции 22 «Социология городского и регионального развития — управление и самоуправление в городах и регионах: межотраслевое знание и социология» [1, с. 1046—1246]. Такое внимание к социологии города, безусловно, отражает ее теоретическую актуальность и востребованность ее практических рекомендаций. А вот насколько она соответствует позитивным ожиданиям общества, можно судить, рассмотрев содержание дискуссий и выступлений на конгрессе.

Первое, на что следует обратить внимание, это объединение проблематики социологии города и социологии региона. Такой нетипичный для классической структуры теорий среднего уровня подход объясняется просто: в структуре Российского общества социологов (РОС) существует исполком, региональные отделения и исследовательские комитеты. Исследовательских комитетов довольно много, с их перечнем можно ознакомиться на сайте РОС [2]. Там есть и исследовательский комитет «Социология городского и регионального развития». Очевидно, что

каждый комитет готовил заседания по своей проблематике, поэтому «отделить» город от региона не получилось.

Но возможна и другая интерпретация этого странного «союза» — недифференцированность проблематики городской и региональной в силу устаревшего понимания города как территории и региона как территории. Не хотелось бы подозревать коллег в подсознательном социологическом механизме, тем более что они сами ощущали опасность такого подхода и старались от него абстрагироваться. Это проявлялось, прежде всего, в активном использовании понятия «пространство» при формулировке проблем и обосновании методологии их решения. Так, например, некоторые сообщения включали понятие «пространство» уже в названии. Е. А. Волосникова из Сургута представила доклад «Пространство северного города», остановившись, в основном, на физической и социальной сущности пространства северного города, обозначив его основные характеристики и зависимость его развития от индустриального этапа освоения Севера в целом. В докладе были выделены особенности жизнедеятельности социальных общностей в пространстве северного города. Показательны ключевые слова доклада: *пространственно-временной континуум, социальные общности, пространство, социальное пространство, физическое пространство, северный город, структура социальных позиций, сохранение и изменение пространства*. Выделение физического пространства подразумевало территориальную определенность, но она признавалась вторичной по отношению к пространству, сконструированному социальными общностями.

В сообщении В. М. Ишимова (Магнитогорск) «Моногород — пространство асимметрии интересов акторов» пространство города уже совершенно не связано с территориальными аналогиями, но понимается как результат взаимодействия физических и корпоративных субъектов. Фиксируя асимметрию их интересов в развитии пространства моногорода, автор почему-то настаивает на необходимости ее преодоления, хотя сам конфликт представлен как пространственнообразующий.

Об авторе:

Седова Наталья Николаевна —
доктор философских наук,
доктор юридических наук,
профессор,
зав. кафедрой философии,
биоэтики и права
с курсом социологии медицины,
Волгоградский государственный медицинский университет, nns18@yandex.ru

Sedova Natalya Nikolaevna —
Doctor of Philosophical Science,
Doctor of Law, Professor,
the Head of Philosophy, Bioethics
and Law with medicine sociology courses
Department, Volgograd State Medical University

Ключевым словом понятие «пространство» было в следующих докладах:

Н. А. Костко (Тюмень) «Городское сообщество как субъект и объект управления развитием города», где акцент был сделан на определении современных свойств и характеристик городского сообщества, социальном проектировании пространства;

Ю. Ц. Тыхеевой (Улан-Удэ) «Цивилизационно-антропологические характеристики города», где при рассмотрении взаимовлияния города и городского человека основное внимание уделялось пространственным и функциональным характеристикам (социально-стратификационным, управленческим, профессионально-производственным и этническим);

О. А. Фокиной (Волгоград) «Специфика развития социального института сервиса в регионе на примере Волгоградской области», где автор сформулировала вывод об асимметричности сервисного пространства региона, обусловленного геополитическими, социально-культурными и экономическими факторами развития Волгоградской области.

Было очевидно, что философский смысл категории «пространство» позволяет социологам совершить определенный теоретический прорыв в исследованиях того, что раньше позиционировалось как территория. Вот только правила использования данной категории в социологии города пока не выработаны, поэтому в некоторых исследованиях город, становясь пространством, перестает быть городом.

Нам представляется, что единственным законченным, логически непротиворечивым, хотя и отличавшимся некоторой поэтичностью, был доклад известного ученого Л. Б. Когана (Москва) «Социально-градостроительные основы разработки политики пространственного развития общества». Его обязательно нужно прочесть всем, кто интересуется социологией города или работает в этой области. Поэтому мы не будем здесь специально разбирать позицию автора, скажем только, что он рассмотрел закономерности урбанизации как общецивилизационного процесса и обосновал необходимость государственной политики пространственного развития общества на основе урбологии и социально-градостроительных исследований. Тем, кто знаком с работами Л. Б. Когана, известна эта концепция, но в материалах конгресса ее ценность определялась тем, что была установлена закономерная связь таких феноменов, как город, городское пространство, центральность, периферийность, пространственное развитие, урбанизация, горожанин, городское сообщество. Автора больше всего интересует идея связи центральности и пространственного развития, но, на наш взгляд, более перспективно изучить связь городского пространства и городского сообщества.

Кстати, Л. Б. Коган с присущей его стилю выразительностью «вбросил» словосочетание «профессия “горожанин”» [1, с. 1155]. Красиво, но некорректно. Логичнее рассматривать *социальную роль* горожанина (городского жителя). Здесь много вариантов решения самых разных проблем города. Почему-то на конгрессе такой подход применен не был, да и в материалах журнала «Социология города» нам не встречался термин «социальная роль горожанина». Впрочем, положению человека в городе на конгрессе уделялось значительно меньше внимания, чем другим вопросам.

Здесь можно отметить сообщение Е. В. Миронец и И. П. Яковлевой (Краснодар) «Роль региональной идентификации в формировании структуры

личностной идентичности», в котором рассматривалась проблема содержания и механизм формирования региональной идентичности, а также анализировалось влияние социокультурных, исторических и демографических факторов на процесс идентификации населения Краснодарского края. Но речь шла, во-первых, не только о городских жителях, и, во-вторых, данные были достаточно специфичны, поскольку Краснодарский край имеет существенные отличия от других регионов России.

В докладе Ю. Ц. Тыхеевой (Улан-Удэ) «Цивилизационно-антропологические характеристики города» уже конкретно ставилась проблема взаимовлияния города и городского человека, но основное внимание уделялось пространственным и функциональным характеристикам (социально-стратификационным, управленческим, профессионально-производственным и этническим). Следует признать перспективной попытку обобщения, которая дала право автору сделать вывод о необходимости соблюдения единых подходов для социологического исследования современного города. Пока это только пожелание.

Обратило на себя внимание исследование Н. М. Богдановой (Самара) «Джентрификация в Самаре: организация повседневности жителями старых домов в районах новой застройки». Проблема джентрификации — новая для отечественной социологии города. И не только потому, что далеко не для всех городов она актуальна. Например, в полностью разрушенном войной и затем восстановленном Волгограде вряд ли можно говорить о подобных процессах. Нетипичны они и для малых городов России. Но в крупных городах — столичных, а также не затронутых военной разрухой, подобные исследования были бы чрезвычайно полезны. Разумеется, в данном исследовании автора интересовали пространственные изменения, но метод сбора данных — глубинные интервью с использованием метода фотографического выявления — позволил эксплицировать индивидуальные характеристики определенных категорий населения, выявить практики организации повседневности жителями старых домов в районах новой застройки.

Можно было бы отнести к сообщениям, рассматривающим ситуацию человека в городе, и исследование Е. М. Акулич (Тюмень) «Социокультурная ситуация в сфере досуга: трансформация приоритетов и потребностей», в котором рассматривались вопросы воздействия культурного пространства на развитие и формирование личности, взаимовлияния социокультурной среды и деятельности людей на досуге, появления досуговых инноваций, новых культурных приоритетов и потребностей. Но эта работа, скорее, относится к социологии культуры. Конечно, исследование проводилось в городе, но это не является достаточным основанием для отнесения его к социологии города.

Вообще подбор сообщений для сессии «Вызовы городского и регионального развития: диагностика проблем и технология решений» не отличался корректностью. Например, уже упомянутое исследование О. А. Фокиной было посвящено институту сервиса, но становление этого института описывалось на материале конкретного региона, поэтому было включено в работу данной сессии.

В сообщении Н. Р. Петрова (Саратов) «Социально-экономические проблемы современного казачества в Саратовской области» была пересказана история происхождения казаков, отмечено, что время, условия зарождения,

формирования, развития казачества на территории России уходят в глубокую древность и в настоящий период представляют одну из дискуссионных проблем в истории Русского государства. Были приведены примеры по материалам Саратовской области. Ну и что? В чем социальная проблема и как ее решать? Проводя исследования о статусе современного казачества, мы обнаружили, что городское казачество приобретает принципиальные особенности под действием факторов урбанизации [3]. Но как раз о причинах этого явления в указанном сообщении никаких данных не оказалось, да и региональных отличий казачества Саратовской области от казачеств других регионов не обнаружилось. Возможно, данное исследование совсем по-другому интерпретировалось бы в контексте этносоциологии?

Исследование Д. В. Кальницкой и Я. Ю. Менделевой (Москва) «Отношение студентов к социальной политике государства в сфере трудоустройства (центр и регионы)» можно было бы смело включать в программу секции по проблемам социологии молодежи, поскольку в нем приводился сравнительный анализ отношения студентов к политике государства в сфере трудоустройства в различных регионах страны. Но лучше было бы не включать его вообще в программу конгресса, потому что социальная политика государства рассматривалась на одном-единственном примере — деятельности молодежного центра «Потенциал», причем число опрошенных студентов составило всего 148 человек (из Москвы — 50 человек, из Архангельска — 48, из Ставрополя — 50). Можно ли было получить адекватные выводы на таком массиве?

Характерным примером подмены предмета исследования был доклад Л. А. Дартау, Л. Е. Сырцовой и Ю. Е. Абросимовой (Москва) «Здоровое городское планирование: особенности социологического сопровождения», в котором с позиций теории систем и управления обосновывалась необходимость социологического сопровождения любой административной деятельности на местах. В качестве примера было показано, что инфраструктуру поликлиники можно использовать для репрезентативного общения с населением. Возникает вопрос: это возможно только в городе? Здесь предмет исследования — явно из области социологии медицины. Но исследование проводилось в Москве, а Москва — это город. Подобная логика составителей научной программы конгресса представляется сомнительной и лишний раз подтверждает мысль, высказанную нами на этом форуме: необходимо четкое представление о методологической связи теорий среднего уровня в социологии и разграничение их предмета в разработке программ исследований [1, с. 3973—3981].

Любой конгресс, будь то социологический, философский, культурологический или какой-то иной, вольно или невольно демонстрирует исследовательские приоритеты в своей тематике. Чаще всего это выражается в количестве докладов и сообщений по конкретной проблеме. Так было и на этот раз. Самой популярной темой в социологии города стала проблема моногородов (монопрофильных городов). Она отражена не только в уже упоминавшемся докладе В. М. Ишимова «Моногород — пространство асимметрии интересов акторов», но также в сообщении А. В. Бетехтиной (Екатеринбург), где рассматривается понятие монопрофильного города как социально-территориальной общности, изучаются различные подходы к определению моногорода, а также дается авторская трактовка понятия «монопрофильный

город». К данной проблематике относится и исследование Р. Р. Хайдарова (Нижнекамск) «Формирование системы индикаторов устойчивого развития моногорода», где рассматривалась система индикаторов: экологических, социальных, экономических и т. п. Правда, критерии выбора определенных индикаторов научно не обосновывались, зато хорошо было показано, как их можно использовать именно в целях формирования программ устойчивого развития моногородов. Косвенно связан с данной проблематикой и доклад Ю. А. Лаамарти и А. В. Кофанова (Москва) «Положение малых городов России: путь к сохранению или исчезновению?», хотя непосредственно монопрофильные города не анализировались. В целом же проблема моногородов рассматривалась фактологически, рекомендаций, которые вызвали бы оживленную дискуссию, практически не было, но в совокупности данные этих исследований можно рассматривать как полезную информационную базу для разработки концепции развития моногородов.

Второй по популярности на конгрессе была проблема городской агломерации. Термин вообще часто употреблялся, видимо, исследователи социологии города считали его эвристически ценным. Действительно, в контексте проблем городской агломерации можно рассматривать очень многое, о чем говорят сами названия докладов: «Диагностика социально-экономической ситуации в городской агломерации: предпосылки и барьеры» (Е. Е. Горяченко, Н. Л. Мосиенко, В. В. Иванова, Новосибирск); «Один из вариантов выявления структуры городской агломерации» (А. Е. Карпов, Новосибирск); «Развитие городских агломераций: глобальный опыт и локальные проблемы» (Е. Л. Сытых, А. В. Шадрин, Челябинск). В последнем докладе, а также в сообщении В. А. Нежданова (Саранск) «Проблемы урбанизации в Республике Мордовии» анализировались проблемы конкретных городских агломераций, а вот в сообщениях новосибирских авторов проблема рассматривалась более широко. Так, было обосновано представление о городской агломерации как сложной социально-экономической системе, формирующейся естественным образом, сформулированы предпосылки формирования городских агломераций, выделены условия, способствующие усилению агломерационных процессов, и факторы, их тормозящие. Очень интересно — с использованием результатов экспертного опроса и опроса пассажиров пригородных электричек и автобусов — была дана сравнительная оценка ожидаемых позитивных эффектов и возможных негативных последствий агломерирования. Были высказаны предложения по использованию географических информационных систем для сравнительного анализа структуры городских агломераций, дана классификация предприятий и других объектов в зависимости от систематического различия в размещении на территории городов. Эти сообщения удачно совмещали эффективные методы исследования и содержательные обобщения.

На секции 22 обсуждались самые разные проблемы, в основном вопросы управления, миграции, демографии, региональной экономики и т. п. [1, с. 5272—5413]. Собственно социология города была представлена всего в нескольких докладах, но характерно, что именно эти доклады носили ярко выраженный методологический характер, чего так не хватало в работе соответствующей секции. В докладе И. А. Вершининой (Москва) «Анализ проблем урбанизации классиками и его значение для современной социологии города» была проанализирована специфика социологического понимания го-

рода, причины обращения к этой теме классиков социологии. Автор считает, что классические теории по-прежнему востребованы современной социологией города. Тут не может быть возражений, но именно потому, что это очевидно и не требовало специальных доказательств.

Нам представляются интересными именно для развития социологии города основные положения исследования Н. А. Баталовой (Новосибирск) «Конструирование социального пространства региона: теоретико-методологические аспекты», которая рассмотрела исторические аспекты изучения категории социального пространства, приведя характеристики основных концепций данного понятия и обозначив возможное применение теоретического аппарата в выявлении характера связи между индивидами и средой обитания, в том числе городской. Выводы автора могли бы стать методологическим основанием для синтеза представлений о городе как пространстве, выраженных исследователями, работы которых анализировались нами в начале этой статьи.

IV Очередной Всероссийский социологический конгресс «Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие» был чрезвычайно интересным мероприятием. Безусловно, новые идеи и данные исследований в области социологии города скажутся самым положительным образом на ее развитии. Но и проблемы стали более очевидными. Они, на наш взгляд, сводятся к следующему.

1. Объединение в одну тематическую карту социологии города и социологии региона не способствует корректному построению концепции ни той, ни другой теории среднего уровня. Исследовательский комитет РОС, который занимается данными проблемами, и не стремится этого сделать. Видимо, в 2007 г., когда этот комитет был сформирован, тематика была просто позаимствована у родственных международных организаций. Недаром в плане работы ИС на 2011 г. значится: «Установление отношений с Исследовательским комитетом № 21 “Социология городского и регионального развития” Международной социологической ассоциации (Research Committee on Sociology of Urban and Regional Development (RC21) of International Sociological Association)» [4]. Но для того, чтобы объединяться, надо сначала самоопределиться. Социология города и социология региона соотносятся как пересекающиеся множества, и вряд ли стоит смешивать тематику, тем более на таких представительных мероприятиях, как Всероссийский конгресс.

2. Основные направления развития социологии города пока четко не обозначены. Есть «модные» темы (моногорода, например), есть оригинальные подходы (город как пространство), есть информативные исследовательские программы (городские агломерации, джентрификация), есть, наконец, интересные, талантливые исследователи! Нет системы, нет структуры, нет концепции. Собственно, первопричина мозаичности современной отечественной социологии города и состоит в ее концептуальной неопределенности. Поэтому профильному ИС РОС полезно было бы провести научную конференцию специалистов в области социологии города и договориться о перспективах совместной работы. Может быть, такое мероприятие уже запланировано? К сожалению, ни отчета о работе за 2011, ни плана на 2012 и, тем более, 2013 г. в материалах ИС «Социология городского и регионального развития» мы не нашли. Но тогда можно провести подобное мероприятие на базе журнала

«Социология города» — единственного в нашей стране тематического издания в данной области.

3. В своих выступлениях на конгрессе докладчики иногда обращались к опыту западной социологии города. Но только иногда, потому что, как показывали материалы и выводы исследований, существует ряд принципиальных отличий в генезисе, структурировании и функционировании городов в России и на Западе, впрочем, как и на Востоке. Город в России — это явление особое. Здесь и история, и полиэтничность, и географические детерминанты, и хозяйственный полиморфизм. Поэтому и социология города в России развивается так сложно и неоднозначно. Это не просто социология города, это *социология российского города*. Возможно, именно в таком аспекте ее и следует развивать.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие [Электронный ресурс] : материалы IV Очередного Всероссийского социологического конгресса / РОС, ИС РАН, АН РБ, ИСПИИ. М. : РОС, 2012. 1 CD ROM.

2. Российское общество социологов [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ssa-rss.ru/departament.html?p=2> (дата обращения: 18.12.2012).

3. Седова Н. Н., Рунаев Р. Ю. Казаки в городе // Социология города. 2011. № 1. С. 3—10.

4. Социология городского и регионального развития [Электронный ресурс]. URL: http://www.ssa-ss.ru/index.php?page_id=22&id=146 (дата обращения: 18.12.2012).

1. Sotsiologiya i obshchestvo: global'nye vyzovy i regional'noe razvitie [Elektronnyy resurs] : materialy IV Ocherednogo Vserossiyskogo sotsiologicheskogo kongressa / ROS, IS RAN, AN RB, ISPII. M. : ROS, 2012. — 1 CD ROM.

2. Rossiyskoe obshchestvo sotsiologov [Elektronnyy resurs]. URL: <http://www.ssa-rss.ru/departament.html?p=2> (data obrashcheniya: 18.12.2012).

3. Sedova N. N., Runaev R. Yu. Kazaki v gorode // Sotsiologiya goroda. 2011. № 1. S. 3—10.

4. Sotsiologiya gorodskogo i regional'nogo razvitiya [Elektronnyy resurs]. URL: http://www.ssa-ss.ru/index.php?page_id=22&id=146 (data obrashcheniya: 18.12.2012).

© Седова Н. Н., 2013

Поступила в редакцию
в январе 2013 г.

**УСЛОВИЯ
ПРИЕМА СТАТЕЙ В РЕДАКЦИЮ
И ТРЕБОВАНИЯ К АВТОРСКИМ
ОРИГИНАЛАМ**

Научно-теоретический журнал «Социология города» (далее — Журнал) издается для ознакомления научной общественности с результатами научных исследований по проблемам урбанистики в области социологии, философии, культурологии и других гуманитарных наук ученых ВолгГАСУ и иных научных организаций и вузов.

Учредитель Журнала — ученый совет ВолгГАСУ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-27329 от 28 февраля 2007 г. Выдано Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия.

Журнал зарегистрирован Международным центром ISSN, ISSN 1994-3520 (Print), ISSN 2077-9402 (Online).

Журнал входит в утвержденный ВАК Минобрнауки России **Перечень** ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук (ред. 2011 г.).

Журнал выходит четырьмя выпусками в год.

Требования к оформлению статей. Статью необходимо представить на электронном носителе и в распечатанном виде (2 экз.) в сопровождении: 1) заполненного автором лицензионного договора (2 экз.) (*скачать бланки* <http://vgasu.ru/attachments/ld-blank.pdf>), 2) анкеты автора (<http://vgasu.ru/attachments/pdsog.pdf>). Все сопроводительные документы представляются на бумажных носителях в оригинале.

В отдельном файле помещаются сведения об авторах на русском и английском языках, а также кириллицей — в полном соответствии с данными в заполненном бланке анкеты (см. выше): фамилия, имя, отчество (полностью), ученая степень, звание, должность, место работы; почтовый адрес, телефон и адрес электронной почты.

В статье приводятся:

индекс УДК;

на русском и английском языках:

фамилия и инициалы автора,

название статьи,

аннотация (на рус. яз. — до 500 знаков, на англ. — от 500 знаков до полной страницы),

ключевые слова.

Текст статьи заверяется подписью автора (соавторов).

Объем статьи — не менее 15 с. установленного формата журнала (см. ниже), включая название, аннотации, ключевые слова, текст, таблицы, рисунки, библиографический список. Последняя страница считается полной независимо от фактического заполнения.

Оригинал статьи должен быть набран с помощью пакета программ *Microsoft Office (Word 2003)*; шрифт *основного текста* — Times New Roman (Сур) № 11 (11 пунктов).

Параметры страницы — поля, см: верхнее — 3,7; нижнее — 4,5; левое — 2,0; правое — 6,0; переплет — 0, поля зеркальные. Расстояние от края до верхнего колонтитула, см — 3,0, от края до нижнего колонтитула — 3,7. Абзацный отступ равен 0,75 см. Межстрочный интервал одинарный. Автоматически устанавливаются переносы (не более 4 подряд в одном абзаце). Автоматически устанавливается запрет висячих строк.

Для набора формул используется редактор формул *Microsoft MathType 5*; по умолчанию устанавливаются размеры шрифта для одно- и двухстрочных формул: обычного — 11 пт, крупного и мелкого индекса — соответственно 8 и 6 пт, крупного и мелкого символа — соответственно 16 и 11 пт. Греческие и русские буквы набираются прямым шрифтом, латинские — курсивом. Если написание в формулах отличается от традиционного, автор должен сделать соответствующие пометки на полях распечатанной статьи, при этом греческие буквы обводятся красным карандашом, готические — синим. Формулы выключаются в левый край с абзачным отступом. Запись формулы выполняется автором с использованием всех возможных способов упрощения и не должна содержать промежуточные преобразования.

Векторные рисунки, сохраненные в формате WMF, *растровые* — в TIF или BMP, *графики и диаграммы*, построенные в *Microsoft Excel*, дополнительно помещаются на электронный носитель отдельными файлами. Имя файла должно соответствовать наименованию или номеру рисунка в тексте статьи. Кроме того, *иллюстрации* обязательно присылаются распечатанными на отдельных листах формата А4 в масштабе 1:1, в пригодном для сканирования виде. Размер шрифта текста в рисунках — 9...10 пт. *Подписи к рисункам* выполняются непосредственно в тексте статьи шрифтом Times № 10 (10 пт), экспликация в подписуточной подписи — Times № 9 (9 пт). Для сжатия больших файлов использовать архиваторы *Arj* и *WinZip*, *WinRAR*.

Цветные и черно-белые фотографии присылать в оригинальном виде с подписями на обороте. Цифровые фотографии выполнять с разрешением не менее 300...600 dpi, присылать в электронном виде в любом графическом формате, кроме .jpg.

Текст *таблиц* набирается шрифтом Times New Roman (Cyr) № 10 (10 пт).

ПРИСТАТЕЙНЫЕ БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ СПИСКИ РАЗМЕЩАЮТСЯ ПОСЛЕ ОСНОВНОГО ТЕКСТА СТАТЬИ.

В библиографическом списке приводится только цитируемая в статье литература. ПРИВЕТСТВУЕТСЯ ЦИТИРОВАНИЕ ОПУБЛИКОВАННЫХ РАНЕЕ В ЖУРНАЛЕ СТАТЕЙ. Источники группируются в списке в порядке упоминания в тексте. Ссылки на источники приводятся в тексте в квадратных скобках (ЗАПРЕЩАЕТСЯ ИСПОЛЬЗОВАТЬ ССЫЛКИ-СНОСКИ ДЛЯ УКАЗАНИЯ ИСТОЧНИКОВ). В библиографическую запись включаются только основные элементы библиографического описания (ГОСТ 7.0.5—2008). Разделительные знаки «тире» между областями опускаются. Шрифт Times New Roman (Cyr) № 9 (9 пт). Язык библиографических записей соответствует языку описываемых источников.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК ПРИВОДИТСЯ ДВАЖДЫ. ВО ВТОРОМ ВАРИАНТЕ ВСЕ РУССКОЯЗЫЧНЫЕ БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАПИСИ ТРАНСЛИТЕРИРУЮТСЯ (пишутся латинскими буквами). Например: *Fedorov I.B. Problemy vysshego inzhenerenogo obrazovaniya v Rossii*. М. : Znaniye, 2005. S. 13—15. (Внимание! Не следует переводить на английский язык!). Инструкцию по транслитерации можно скачать здесь <http://vgasu.ru/attachments/translit.pdf>. ЗАПИСИ НА ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКАХ ПРОСТО ПОВТОРЯЮТСЯ.

Авторы статей несут всю полноту ответственности за содержание статей и за сам факт их публикации. Редакция журнала не несет никакой ответственности перед авторами и/или третьими лицами и организациями за возможный ущерб, нанесенный публикацией статьи. Редакция исходит из того, что, в соответствии с законодательством РФ в части авторского права, автор, направляя статью в редакцию, полностью соглашается с условиями редакции и, следовательно, только сам лично несет ответственность за использование в тексте статьи материалов третьих лиц и соблюдение их авторских прав. Все права автора и вся полнота его ответственности сохраняются и после публикации статьи в журнале.

Порядок рецензирования. Статьи обсуждаются редколлегией, рецензии, поступившие в сопроводительных материалах, учитываются.

Статьи, не отвечающие изложенным требованиям, редколлегией не принимаются. Материалы, не принятые к опубликованию, авторам не высылаются.

Редакция имеет право производить сокращения и редакционные изменения текста. Корректур статей авторам не предоставляется. Переписка, телефонные переговоры по согласованию авторских и редакционных изменений текста статьи производятся за счет автора.

Гонорар за опубликование статьи не выплачивается, плата за публикацию статей с аспирантов не взимается.

КОМПЛЕКТОВАНИЕ ОЧЕРЕДНОГО НОМЕРА ЗАВЕРШАЕТСЯ ЗА 3 МЕСЯЦА ДО ПЛАНИРУЕМОГО ВЫХОДА В СВЕТ.

Примерный график выпуска журнала:

- март (прием статей до 1 декабря);
- июнь (прием статей до 1 марта);
- сентябрь (прием статей до 1 июня);
- декабрь (прием статей до 1 сентября).

Тематические рубрики. В Журнале публикуются научные статьи и другие материалы по вопросам социологии, философии, экономики, политологии и других гуманитарных наук в соответствии с основными тематическими рубриками:

Человек в современном городе.

Город как экономическая система.

Управление социальными и экономическими системами.

Город и власть.

Архитектурное пространство современного города.

Техносфера современного города: город и экология.

Направлять статьи и обращаться по вопросам об **условиях их публикации и приобретения очередного номера журнала** по адресу: **400074, Волгоград, ул. Академическая, 1, ком. В-508. Гл. ред. журнала «Социология города» Навроцкому Б.А. Тел. (8442)-96-99-25. E-mail: jurnalfil@mail.ru** (в теме указать: **для Б.А. Навроцкого**).

По вопросам подготовки авторского оригинала статьи к печати обращаться по адресу: 400074, Волгоград, ул. Академическая, 1, ком. В-210, редакционно-издательский отдел ВолгГАСУ. Тел. (8442)-96-98-28. E-mail: mariapes@mail.ru

Научное издание

СОЦИОЛОГИЯ ГОРОДА

2013. № 1

Научно-теоретический журнал

Редактор *М.Л. Песчаная*

Компьютерная правка и верстка *М.Л. Песчаная*

Перевод на английский язык *О.Ю. Юшко*

Компьютерный дизайн обложки *Т.М. Потокина-Курилкина, О.Ю. Мелешин*

Информационно-библиографическое обслуживание *Е.В. Хромова*

Подписано в печать 30.03.2013.

Формат 70 × 108/16. Бумага офсетная. Гарнитура Times New Roman.

Уч.-изд. л. 4,0. Усл. печ. л. 5,7. Тираж 500 экз. Заказ № 21

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования
«Волгоградский государственный архитектурно-строительный университет»

Редакционно-издательский отдел

Отпечатано в отделе оперативной полиграфии ВолгГАСУ

400074, Волгоград, ул. Академическая, 1